

ЖЕСТОКОЕ
ЗЕМЛИ

КРОВАВЫЙ
ВЕК

ДУХ ВОИНА

Дэниэл
ФОСТЕР

Дэниэл Фостер
Кровавый век. Дух война
Серия «Жестокие земли»
Серия «Кровавый век», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64714581
Дэниэл Фостер Кровавый век. Дух война:
ISBN 978-5-04-119261-7

Аннотация

Северная сага о восхождении и смерти.

Брудвар мечтал стать вождем, который правит с холодным рассудком и с верностью заточенной стали. Но он не был готов к тому, что долгожданный титул придет к нему после вероломного убийства его отца и брата.

Месть за убийство родственников ложится на нового вождя тяжелым грузом. В преступлении обвинен верный союзник, война с ним обернется серьезными последствиями.

Брудвар не верит в предательство и начинает искать ответы, которые грозят разрушить не только его жизнь, но и весь Север.

Путь молодого вождя будет лежать через боль и отчаяние, огонь, лед и кровавые сражения.

Только так юнцы вырастают в мужчин, а мужчины в воинов, чтобы вырезать свои имена в истории и стать легендами.

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	68
Глава 6	82
Глава 7	109
Глава 8	127
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Дэниэл Фостер
Кровавый век
Дух воина

ЖЕСТОКИЕ
ЗЕМЛИ

Серия «Жестокие земли»

В оформлении обложки использована работа художника
Т.Квасова

© Фостер Д., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть I

Глава 1 Достойный сын

Скаймонд, столица Эргунсвальда

3150 год по летоисчислению северян.

Брудвар стоял в тени колонны и наблюдал за тем, как его мать, сидя на троне, слушает очередного просителя. Сам разговор интересовал его мало. От подобных заискивающих речей он быстро уставал и приходил в тихое бешенство. Характер Брудвара был таков, что воин попросту не признавал существование трудностей, которые нельзя было бы одолеть самостоятельно. Гораздо больше его занимал трон, находившийся справа от матери, совершенно непохожий на своего изящного соседа с высокой спинкой. Мрачный, грубый, словно вытесанный из скалы, изрезанный рунами, с подлокотниками в виде оскаленных пастей волков, он был предназначен вождю Севера. Сейчас он пустовал, и Брудвар при-

стально изучал древний символ власти. В очередной раз сын вождя думал о том, удастся ли ему когда-нибудь занять место своего отца...

Полет его мыслей прервал глухой шум за пределами тронного зала. Кто-то спорил с охраной у входа.

– Дорогу! Пропустите! Пропустите! У меня важное послание для валькюны! Отворяйте же, поглотите вас Бездна! Известие не может ждать! – кричал неизвестный.

Тяжелые двери с грохотом распахнулись. Вопреки всем обычаям, в комнату ворвался мужчина. Всем своим видом он напоминал взмыленную от бешеной скачки лошадь. Его ноги тряслись, из-под меховой накидки валил пар. Незнакомец тяжело дышал, по лицу струился пот. У Брудвара возникло ощущение, что этого человека он уже встречал раньше. Стражники же окружили мужчину и сопроводили к трону. Попытавшись унять дрожь, тот скорбно опустил глаза и разложил у ног валькюны перепачканный сверток. Приглядевшись, Брудвар узнал в нем знамя своего отца. На полотне лежал труп орла с перерезанным горлом.

Из груди Брудвара вырвался резкий вздох, а по залу прокатилось эхо скорбных и яростных стонов. На лицах людей застыли недоумение, печаль и ужас, ведь каждый, кто увидел мертвую птицу, уже догадался, какую весть принес голец: так племя аркалов издревле сообщало о смерти своих врагов. И это означало, что полет сильнейшего на всем Севере человека был окончен.

Люди молчали, не желая верить собственным глазам. Едва слышно полыхали факелы, робко потрескивал камин, словно боясь нарушить гнетущую тишину в зале, что была куда страшнее зимней бури, лютующей снаружи. В этот момент Брудвар осознал, что его отец, скорее всего, отправился к предкам.

Посланник обратил надежды в пепел, угрюмо, но твердо озвучив траурное послание:

– Моя валькюна, Благословленный Предками убит.

– А сын... Мой сын? – почти не дрогнув, спросила вдова. За один миг мать Брудвара будто постарела на десять лет. Лицо осунулось, а золото волос пронзили белоснежные ленты.

– Сигизмир тоже погиб. Никто не выжил...

Дальнейшая речь гонца утонула в жарком гуле разгневанных голосов и криков. Лишь один человек в зале молчал и выглядел так невозмутимо, будто не его отца и родного брата только что объявили мертвыми. Брудвар не имел привычки обнажать свои чувства на людях, а потому даже в эти минуты никто не мог понять, что таится за его холодным взглядом. Между тем внутри него все бурлило. Но не от горя или праведного гнева. Вовсе нет. «Что я за человек, если радуюсь смерти родного брата?» – мучился Брудвар, глядя на окровавленное знамя.

Но душевные терзания воина были недолгими. Смерть отца опечалила его, пробудив в сердце настоящий вихрь из

горьких переживаний, но кончина старшего брата вызвала противоположные чувства. С одной стороны, он ненавидел себя за это, с другой – уже простил. Ведь, как бы то ни было, теперь ему предстояло стать вождем Эргунсвальда, или Севера, как именовали этот суровый край во всем остальном мире. А этого момента Брудвар ждал всю свою жизнь. Да, Сигизмир был его родным братом. Здесь, на Севере, это всегда имело огромное значение. И Брудвар любил его... Возможно. Возможно, когда-то в глубоком детстве, когда соперничество между ними было лишь простой игрой и еще не перешло всех границ. Но Брудвар узнал, что кровное родство не может спасти от ненависти. Сколько он себя помнил, братья всегда боролись, желая показать отцу, кто из них лучше и достоин править Эргунсвальдом после него: обычаи Севера наделяли вождя исключительным правом назначать преемника при своей жизни. Но Брудвару было куда сложнее, ведь оба сына прекрасно знали, что симпатии отца всегда были на стороне Сигизмира. А потому Брудвар поставил себе цель стать лучше брата и превзойти его во всем.

Сигизмира тренировали хускарлы отца, Брудвар же напросился в ученики к Фронсуду – могучему воину, перед которым дрожали сильнейшие. Обучение было жестоким, но, мертвые не соврут, жутко эффективным.

Пока старший брат вместе с дружиной отца укреплял власть, пируя с побежденными, Брудвар плавал к берегам Империи, грабил далекие острова, возвращаясь с добычей,

которой завидовали и бывалые ветераны морских походов. Но отец не замечал успехов младшего сына. Казалось, он уже давно все решил. И Сигизмир никогда не упускал случая напомнить брату об этом.

«Нет, от правды не убежишь: братской любовью между нами никогда и не пахло, – подвел итоги прожитых лет Брудвар. – Поэтому и сожалеть здесь не о чем. Хоть это и печально. Возможно, – он едва заметно скривил губы. – И вот наше паршивое состязание окончено. Прощай, брат. Не могу сказать, что мне будет тебя не хватать... Дед Рагнир говорил, что когда достигаешь цели, то испытываешь опустошение, весь мед этой жизни – в преодолении трудностей, в самой борьбе, которая и делает тебя по-настоящему живым, – таковы были его знаменитые слова. Что ж, мне только предстоит узнать, правда это или вымысел. Ведь моя цель еще не достигнута: чтобы стать величайшим вождем Севера, мало усадить свою задницу на трон. Нужно нечто большее, чтобы превзойти достижения деда и отца. Мечь за отца станет моим первым шагом на этом пути».

Пока воин размышлял над будущим, его мать узнавала подробности убийства.

– Как они погибли? – крепко сжимая подлокотники трона побелевшими пальцами, спросила Лингра.

– Предательство! Благословенный Предками пал жертвой заговора, – мрачно проговорил гонец. – Вождь Эрнульф и Сигизмир пировали в Кагyme у фэрла Айтула. Но когда

они уснули, их подло зарезали... Спящих! И дружину тоже. Полегли все...

– Безумие! – стукнул тростью один из советников, обратив на себя внимание всего зала.

Человека звали Райнильф. От своего отца и деда Брудвар всегда слышал о нем лишь хорошие слова. Мудрый и обычно спокойный, высокий и статный, но безнадежно хромым еще с юности, он рано выпустил из рук меч, однако в совершенстве овладел иным оружием – остротой ума, которая в сочетании с врожденной осторожностью позволила предкам Брудвара одержать ряд блистательных побед как на военных, так и на торговых полях сражений. Сейчас его худое и костистое лицо пылало возмущением.

– Не будем спешить с выводами без ясных доказательств! Айтул – один из фэрлов и не посмел бы нарушить священных клятв, данных перед тронем Скаймонда! Это просто невысказано! Для начала назови себя и скажи, откуда у тебя это знамя и кто поведал тебе о преступлении? – советник нахмурил брови.

– Меня зовут Хамрил, я из дружины вождя Эрнульфа и был рядом с ним, когда произошла резня, – ответил тот.

Теперь Брудвар вспомнил, где видел это бородатое, нескладное лицо.

– Был вместе с ним?! – послышался устрашающий хрип. Коренастый воин, стоявший рядом с Райнильфом, свирепо ухмыльнулся, показав неестественно длинные клыки. – Если

ты был в бою вместе с Благословленным Предками, почему же ты не пал вместе с ним? Мочился под столом от страха, пока твой вождь истекал кровью?

Брудвар хорошо знал говорившего. Пожалуй, даже слишком. Фронсуд по прозвищу Ледяной Кулак, командир Избранной Тысячи. Его меч оставил памятный рубец на лице Брудвара: толстый шрам, который шел наискось от правого виска до челюсти. Сын вождя по праву гордился этой отметиной, ведь за все последующие годы больше ни одному противнику не удалось его ранить.

– Мой топор достойно послужил Благословленному Предками, – оцетинился гонец. – И, если бы нас вынудили драться, я бы стоял до последнего. Но в ту ночь мы стали жертвами грязной западни и большинство погибло сразу. – В глазах мужчины промелькнуло горькое безумие. Он опустил голову и уставился в пол. – Меня обезоружили и заставили смотреть, как умирают братья... Как Айтул перерезает горло нашему вождю. Не знаю, почему фэрл сохранил жизнь именно мне. Не знаю... Но он пощадил меня лишь для одной цели: передать эту весть... и еще одно послание.

Повисла тишина. Холодный, опасный блеск оружия, украшающего стены зала, красноречивее всяких слов давал понять, что его хозяева не оставят случившееся без последствий.

– Айтул хочет говорить с Брудваром. Через одну луну он будет ждать его в ущелье Четырех Ветров.

Брудвар ощутил на себе осторожные взгляды, и странное волнение охватило сердце. От него ждали каких-то речей, но сын вождя решил промолчать. Он хотел понаблюдать за тем, как на слова выжившего отреагируют советники.

– Хм... – разочарованно процедил Райнильф. – Если в том действительно повинен фэрл, то дни его сочтены. Он должен понимать, что возмездие неотвратимо и в этой встрече нет никакого смысла. Но, быть может, он хочет как-то смягчить гнев Брудвара и валькюны. Хотя никакие дары не смогут вернуть Северу вождя Эрнульфа. Думаю, что все же стоит выслушать Айтула и узнать, какую правду поведает сам фэрл. – Райнильф посмотрел на гонца с явным недоверием.

– Время разговоров вышло, – зло сказал Фронсуд. – Я всегда говорил, что слишком большая власть над своими землями придает фэрлам дерзости, а дерзость убивает страх перед вождем. Вот в чем я вижу причину этого преступления. В свальдах стали забывать о том, кто на самом деле правит Эргунсвальдом. А что касается аркалов, то я хорошо знаю этот народ. Они коварны, хитры и вероломны, а их шаманы непозволительно горды.

В зале одобрительно закивали. Старую вражду между племенами было невозможно искоренить несколькими годами мира.

– А потому не только фэрл, но и все аркалы должны ответить за смерть Эрнульфа своими вонючими шкурами, – за-

ключил Фронсуд.

– Аркалы – это часть Эргунсвальда, – торжественно, но твердо возразил Райнильф, – его история, традиции и кровь. Девять племен слились в один народ, создали величайший, сильнейший союз, от которого дрожит весь мир! Мудрым и справедливым решением будет покарать самого фэрла и тех, кто помогал ему. Но убивать невинных... – Райнильф с сомнением покачал головой.

Фронсуд оскалился:

– Да если бы аркалы ценили союз, то вообще не допустили бы убийства вождя! Их шаманы должны молить валькюну и Брудвара о прощении. Но где же они? Где?! Они даже не передали нам тело Благословленного Предками! Эрнульф потратил прорву времени и сил, чтобы договориться с этим племенем. И что вождь получил взамен? – Ледяной Кулак посмотрел на Лингру. – Валькюна, ради вечной памяти вашего мужа и его деяний, позвольте Избранной Тысяче преподать аркалам железный урок! Я сам приведу это племя к покорности. Раз и навсегда, до окончания времен. Язык топора убедит их лучше всяких слов.

Женщина промолчала. Погрузившись в тягостные думы, она отрешенно смотрела на своего сына.

– Если мы уничтожим аркалов, то через несколько зим вернемся в дикое прошлое, когда из-за кровной мести Севером правили звери, а не люди, – не отступал Райнильф.

– Порой, чтобы выжить, раны прижигают огнем, – огрыз-

нулся Ледяной Кулак. – Спасает от порчи крови, знаешь ли.
– А порой люди договариваются, чтобы не калечить друг друга, – парировал Райнильф, барабанив пальцами по рукояти трости.

Насупившись, мужчины принялись буравить друг друга упрямейшими взглядами. Оба уже разменяли шестой десяток. Обоих уважал весь Север. Оба могли похвастаться богатейшим жизненным опытом. И оба твердо следовали принципам, позволившим этот опыт приобрести. Но даже толстые стены замка понимали, что поколебать их убеждения представлялось столь же вероятным, как пинком ноги сдвинуть с места каменные глыбы.

В тронном зале стало жарко. Одни рьяно поддерживали Фронсуда, другие не менее горячо Райнильфа, ну а третьи – самые дальновидные – ждали решения вдовы и следили за Брудваром. Сын вождя услышал достаточно. С одной стороны, ему были ближе слова Райнильфа. Он не собирался начинать правление с кровавой бойни – этот путь вряд ли бы привел его к величию. Но скрепя сердце Брудвар не мог не признать определенной правоты и своего грозного учителя. Действительно, почему аркалы молчат? Неужели они не понимают, что время работает против них? Чего они хотят добиться? Что это, как не открытый вызов власти вождей Севера? Его власти... Нет, он показал бы себя слабаком и не заслужил бы уважения других фэрлов, если бы просто закрыл на это глаза.

Брудвар вышел из тени и уверенно подошел к трону. Поймав на себе одобрительный взгляд матери, встал подле нее. Призвал к тишине и, дождавшись, когда разговоры смолкнут, озвучил свое непростое решение:

– Подлое убийство моего отца... и брата, – добавил он после секундной паузы, – это тяжкое оскорбление, нанесенное всему Северу. Я лично покараю виновных и призову к ответу фэрла Айтула. Но я уверен в том, что далеко не все аркалы поддерживают предателя. – Брудвар не допускал даже мысли об обратном. Ведь целый народ не мог добровольно обречь себя на заклятие, понимая, что кара за смерть вождя неизбежна. Однако ростки непокорности стоило вырывать с корнем.

– Те, кто остался верен трону Скаймонда и вечному союзу племен, не будут отвечать за ошибки своего фэрла. Но аркалы должны сами определить свою судьбу: хотят они новой войны или же предпочтут крепкий мир. – Жизнь научила Брудвара, что людям всегда нужно давать шанс для искупления вины. – Для этого им нужно самим схватить убийцу моего отца и привести сюда, в Скаймонд, к ногам валькюны. Отправьте птиц, пошлите гонцов во все части их свальда. Дайте им самых быстрых лошадей. Я хочу, чтобы каждый хэрдинг услышал о содеянном и об условиях трона Скаймонда еще до того, как Айтул придет в Ущелье Четырех Ветров. Но пока я сам не разберусь с фэрлом, весть о смерти вождя Эрнульфа не должна покинуть стен этого зала. Нам ни к че-

му сеять вражду и недоверие между племенами. Север един, и неповинные, будь то аркалы или еще кто, не должны пострадать зря, – строго сказал он, ощущая на плечах новую, незнакомую тяжесть.

Брудвар всегда заботился о своих людях, которые служили в его дружине, и поступал с ними по совести. Они были его семьей. Но скоро его дружиной станет весь огромный и дикий Север, и к этой мысли ему еще предстоит привыкнуть. Однако Брудвар знал обычаи Эргунсвальда и понимал, что даже акт свершившейся мести не сделал бы его настоящим вождем. Для того чтобы получить заветный титул, сын Эрнульфа должен был подняться на священную гору к мудрейшим шаманам Севера – Озаренным, а затем пройти через особый ритуал. Лишь после этого Брудвар мог стать полноправным вождем, Благословленным Предками.

Впрочем, такая резкая перемена обстоятельств немного охладила пыл воина. Как бы ужасно это ни звучало, правда была такова, что фэрл Айтул своими же руками и расчистил наследнику извилистую дорогу к трону. Но Брудвар хотел завершить этот путь достойно, заслужив титул своими деяниями, а не просто получив его из рук немощных стариков. Поэтому, предваряя вопрос матери и всех собравшихся, он добавил:

– Взойду на пик Торгрима только после того, как предам огню тело отца... И брата. – Сжав кулак, мысленно добавил: «Возможно».

Глава 2

За ответами

После тщательных сборов дружина Брудвара выдвинулась в путь. Идти решили коротким путем, минуя оживленные дороги. Заброшенный тракт вскоре привел воинов к довольно приметному месту. Огромная арка и гигантские валуны с давно истертыми рунами сообщили о том, что здесь, среди высоких гор и дремучих лесов, когда-то начинались земли аркалов.

Брудвар остановил коня и поднял голову. Его движение повторили триста всадников, ехавшие позади. Тут было на что посмотреть: каменный свод, нависший над дорогой, венчали изваяния хищных птиц. От внушающих трепет беркутов до сапсанов размером не больше вороны. Припорошенные снегом скульптуры объединяла одна деталь: крылья птиц были расправлены, а клювы открыты в немых криках. Брудвар бывал в свальде аркалов еще юнцом, когда Айтул дал клятву верности его отцу, после чего семья вождя была приглашена на знатный пир в злополучный Кагым. Но, как в детстве, так и сейчас, при взгляде на арку в его голове закрутилась мысль о том, что в этих краях чужакам совсем не рады. Словно оправдывая предчувствие, в лицо ударил ледяной ветер. Начиналась метель.

Брудвар не стал задерживаться и повел дружину дальше.

Вровень с ним ехал бывалый воин, которого сын вождя любил как брата – настоящего и надежного, а не того, по сути чужого человека, которым являлся для Брудвара Сигизмир.

– Ну что, Вьёрд, готов к заварушке? – спросил Брудвар.

– Ха! – гаркнул пузатый здоровяк с огромными ручищами. – А как же иначе? Ты ж меня сто зим знаешь! Хорошую заварушку я ни за что не пропущу. Я ж всегда, когда мы с тобой идем за добычей, чувствую себя лет на двадцать моложе.

– Ну-ну, – нахмурился тот, – это тебе не обычный поход, и никаких трофеев здесь не будет. Грабить свои земли я не собираюсь. Возможно.

– Эх-хе! – усмехнулся Вьёрд. – Твое «возможно» частенько становилось приговором для многих людей.

– Мое «возможно» означает лишь то, что людям стоит больше думать головой и трезво оценивать последствия, когда я предлагаю им сделать выбор.

– Даже когда выбор, откровенно говоря, дерьмовый?

На лице воина появилось хищное выражение:

– Выбор есть всегда, куда человек жив.

– Ну, в пожаловании таких вот выборов ты непревзойденный мастер, – ухмыльнулся Вьёрд. – В любом случае месть за твоего отца – тоже отличный трофей. Но чует мое сердце, что до драки дело все равно не дойдет. Ну не могут аркалы быть настолько тупы, чтобы бросить вызов всему Северу.

Брудвар цокнул языком.

– Их ответ меня в этом совсем не убедил. Мягко говоря.

Когда немногие гонцы вернулись обратно в Скаймонд и Брудвар услышал, какие слова передали хэрдинги, разум будущего вождя окутала пелена гнева. Он вспомнил, как в тот момент будто почуял запах крови и вонь сожженных деревьев. Ну еще бы. Он, как и его мать, и все советники, ожидал, что аркалы принесут извинения, попытаются умиловать его и валькюну либо же будут доказывать свою невиновность. Да, Брудвар понимал, что поставил перед ними сложную задачу: немногие осмелились бы напасть на Айтула, все-таки для большинства аркалов его фигура была священной, и они почитали его не меньше вождя. Хотя преданные трону могли бы направить в Скаймонд своих воинов, показав, чью сторону они занимают... Но нет. Ответ хэрдингов лишь породил новые вопросы и заметно увеличил число сторонников Ледяного Кулака. Ведь они сказали, что фэрл Айтул не виновен в случившемся. Они передали, что Айтул все еще надеется на встречу с Брудваром и все так же ждет его в Ущелье Четырех Ветров.

Остыв после этих известий, сын вождя изменил план и твердо решил, что увидится с Айтулом и поговорит с ним, чтобы разобраться во всем прежде, чем собственноручно убьет предателя. Он по-прежнему не желал войны и надеялся, что ответ хэрдингов не выражал мнения всего народа. Кто знает, может быть, их запугали люди фэрла?

Задумчиво почесав клиновидную бородку, Вьёрд спросил:

– Я уже делился опасениями, но повторю еще раз: не кажется ли тебе, что мы лезем на рожон, идя впереди войска Фронсуда?

– Нет, не кажется. Грайдис разведала, что в ближайших деревнях остались лишь одни старики. Уж с ними-то, случись чего, мы разберемся. А от тех поселений и до Ущелья рукой подать. Пусть Айтул думает, что к нему идет лишь наша дружина. Если он задумал подлость, то воспользуется этим и выдаст себя раньше времени. Но и мы будем держать ухо востро. Узнаем, что к нам движется его армия – так сразу повернем назад. Ну а если фэрл будет честен, то я все-таки поговорю с ним с глазу на глаз.

– Так, может быть, того... Ну, для верности... – смущенно произнес Вьёрд. – Простождемся Фронсуда? Кто его знает, этого поганца фэрла? Зверя быют – поры нужной ждут.

– Нет, – отрезал Брудвар. – Я хочу отомстить Айтулу сам. Беседу прервал внезапно усилившийся ветер. Метель принялась яростно сечь лица, заставив Брудвара и Вьёрда вжать головы в плечи и прикрыться мехом воротников. В неистовом реве вьюги наследник трона Севера будто бы слышал чей-то скрипучий смех. «Что за нелепица? Должно быть, показалось», – пытался успокоить нервы Брудвар. Но чувства редко обманывали его. И от этого ему стало не по себе.

Вскоре они достигли перевала. Буря стихла так же внезапно, как и началась. Тучи рассеялись, и с высоты открылся

восхитительный вид: просторную горную долину, залитую полуденным солнцем, устилала белоснежная тайга, среди которой пролегла широкая дорога. Она вела к первым поселениям племени аркалов, темневшим вдалеке. Триста всадников во главе с Брудваром не мешкая помчались навстречу судьбе.

* * *

Въезд в деревню преградила скверного вида старуха. Беззубая и сгорбленная, с уродливой головой, едва держащейся на тонкой кривой шее. Кожа вокруг ее глаз, как и у всех аркалов, была украшена татуировкой в виде причудливых узоров, искаженных глубокими морщинами.

– Мир тебе, добрая женщина! – приветливо поднял руку Брудвар.

Случилось неожиданное. Смотря прямо на Брудвара, она ухмыльнулась, набрала в рот слюны и плюнула наземь. Дружина зашумела. Но сын вождя остался спокоен.

– Ты что, мать, не с той ноги встала? Или глуха? Говорю, что пришел с миром, – повторил Брудвар и улыбнулся. Но лишь губами. Взгляд излучал неприкрытую угрозу. – Возможно, – добавил серьезно, чем вызвал громкие смешки соратников. – Но мир и война – соседи давние. И что-то подсказывает мне, что мира ты не ищешь. – Брудвар лихо спрыгнул с коня и навис над старухой. – Где ваш хэрдинг? Я хочу

здать ему вопросы.

– Ступай за мной, – проскрипела старуха.

Если бы кто-то впоследствии напомнил Брудвару, что в той деревне им были не рады, того человека он без раздумий назвал бы отъявленным лжецом. Сам воздух здесь, казалось, смердел злобой. Враждебно лаяли собаки, с презрением захлопывались двери домов. Местные же провожали дружину такими ненавистными взглядами, что Брудвар и сам начинал чувствовать, что он и его люди в чем-то виноваты. «Судя по всему, здесь никогда не слышали про обычаи гостеприимства», – угрюмо подумал он.

С каждым шагом Брудвар осознавал, что начало его правления будет совсем не легким. А еще в нем закипала ярость. Сын Эрнульфа никак не мог понять, в чем же причина столь презрительной встречи. Чем он заслужил такое отношение? Где прячется страх этих людей и хоть капля уважения к будущему вождю Эргунсвальда?

– Неужто аркалы и впрямь думают, что у них есть хоть какие-то шансы против всего Севера? – озвучил его мысли Вьёрд, шедший рядом. – Судя по их наглým рохам, не похоже, чтобы они боялись твоей мести.

– Как говорит Фронсуд, иногда люди понимают только язык топора. Скорее всего, в этот раз он оказался прав.

Чем больше Брудвар размышлял над этой ситуацией, тем сильнее становилось его желание срубить голову старухе, а потом и выжечь это проклятое место в назидание остальным.

Желание достигло апогея, когда женщина привела его к хэрдингу. Точнее, к тому, что от него осталось. Брудвар повидал многие, часто не слишком привлекательные вещи, при виде которых желудки даже самых суровых воинов давали слабину. Однако увиденное все же заставило Брудвара вздрогнуть и поморщиться.

В центре деревни, куда лучами сходились все улицы, стоял громадный алтарь. На каменной плите, украшенной свечами и еловыми ветками, распростерлось тело мужчины. С первого взгляда Брудвар безошибочно определил, что с умершего содрали кожу. Он надеялся, что это произошло после его смерти. Девять неизвестных идиолов вокруг алтаря и ритуальный нож у изголовья давали ясно понять, что совершенное не было обычным убийством. Сыну Эрнульфа потребовалось ровно одно мгновение для того, что выхватить меч и приставить острие к шее старухи.

– Во имя Предков, отвечай мне, что здесь творится?! – прогремел Брудвар в то время, как его дружинники брали площадь в кольцо.

Морщинистое лицо расплылось в глумливой улыбке:

– Он сам виноват. Купился на твои посулы, хотел остаться подстилкой Скаймонда.

– Он лишь хотел избежать большего кровопролития. – Глаза Брудвара сверкнули молниями. Его поразила не сама расправа, а выбранный способ. – Тебе должно быть хорошо известно, что человеческие жертвоприношения запрещены

во всем Эргунсвальде. Предки не нуждаются в подобных... дарах.

– Ты не понял? Это угощение не для предков. Аркалы больше не поклоняются мертвецам.

На миг Брудвар потерял дар речи. Невозможно было поверить в то, что аркалы, как и любое племя Эргунсвальда, могут отринуть веру в своих предков.

– И кому же теперь молятся аркалы? – спросил ошеломленный до предела Брудвар.

– Тем, кто откликнулся на зов нашего фэрла. Тем, кто защитит наше племя от таких, как ты.

Брудвар еле сдерживал гнев – Айтул зашел слишком далеко, решив пошатнуть вековые традиции.

– Не знаю, каким духам или богам вы тут поклоняетесь, на чье покровительство надеетесь, но за одну лишь эту мерзость вы понесете наказание.

– Так чего ж ты медлишь? – старуха подалась вперед, коснувшись острия меча. По шее потекла струйка крови. – Я отжила свой век и смерти давно не боюсь. Ее должен бояться ты: молодой, сильный, жаждущий власти... Но перед тем, как уйти, я напомню тебе, что наш фэрл все еще ждет тебя в Ущелье Четырех Ветров. Он будет там до заката завтрашнего дня. Там ты и найдешь ответы на все свои вопросы...

– Я уже по горло сыт этими глупыми загадками! Отвечай, каким образом ты и тебе подобные намерены одолеть меня?! Почему не признаете, что ваш фэрл совершил ошибку?

– Ошибку?! Ты многого не знаешь, сын Эрнульфа... или не хочешь знать. Просто оставь нас в покое, у аркалов теперь свой путь.

– Оставить в покое?! После того, как вы убили моего отца и брата?!

– Твой отец и брат были гнусными извергами и насильниками. А в гнезде ворон сокол не родится. – Старуха вновь харкнула под ноги Брудвара.

Медленно кружился снег. Густые хлопья таяли, касаясь лица наследника трона. Кожа Брудвара источала настоящий жар. Воин опустил меч, но затем броском змеи вскинул руку, схватив женщину за горло. Старуха захрипела, выпучила глаза, попыталась разжать медвежью хватку. Тщетно. Ее шея хрустнула, а тело мешком упало наземь.

– Бесплезно говорить с умалишенными, – вздохнул Брудвар, а затем рявкнул, обратившись к дружине: – Обыщите каждый дом, каждую нору и приведите сюда всех, кто способен стоять на ногах!

Гнев уступал место глубочайшему потрясению. Брудвар никак не мог понять сути происходящего. Он приехал судить и карать, ожидая увидеть в глазах людей страх и отчаяние, услышать их мольбы о милосердии, либо, на худой конец, привести их к покорности силой меча. Но невозможно подчинить тех, кто перед лицом смерти открыто плюет тебе в лицо. Такое бесстрашие граничило с безумием, от которого становилось до мурашек тревожно. Что именно сумел вну-

шить своему народу Айтул? И что за странные обвинения против его отца и брата? Брудвар помрачнел еще больше, когда увидел тех, из кого хотел выбить ответы: окруженные дружиной Брудвара, в центре живого круга толпились дряхлые старики и старухи. Сыну Эрнульфа доложили, что в домах еще оставалось несколько человек, которые уже совсем не могли встать с кроватей.

– Где прячутся остальные? – нахмурился Вьёрд, взяв за грудки одного из местных.

– Ушли все. Нету здесь никого, кроме нас, – проямлил старик. – Знали мы, что вы снова явитесь, хищники паскудные.

– Объясни, – потребовал Брудвар, скрестив руки на груди.

– Зря ты ее убил, – кивнул дед в сторону тела. – Не виновата она была, потому как правду сказала. Отец твой и брат давно к нам повадились хаживать. Девушек портили да мужиков унижали ради забавы. А тех, кто противился, в лес уводили и травили, как зверей. Заставляли голышом бежать, покуда стрелу меж лопаток не всадят. Иных в реке топили в чем мать родила, других на вон том суку вешали...

Брудвар не перебивал. Просто слушал, пытаясь сохранять внешнее спокойствие. Внутри же поднималась новая волна возмущения. И растекался яд первых сомнений. Да, Брудвар никогда бы не назвал Эрнульфа хорошим отцом, на то имелись веские причины, но в его лице он видел сильного правителя, у которого было чему поучиться. И да, руки вождя,

не говоря уже о старшем брате, были по самые плечи в крови. Эрнульф и Сигизмир, как и сам Брудвар, далеко не всегда щадили врагов, редко задумывались о том, насколько мучительным способом отправить их к Предкам, и вовсе не переживали за нелегкую долю пленников. Но отец никогда не нарушал золотого правила, обеспечившего мир на всем Севере: он уважал границы и равенство каждого племени, ставшего частью единого Эргунсвальда. И несмотря на то, что аркалы стали последними, кто признал власть трона Скаймонда, Брудвар давно не слышал, чтобы они доставляли проблемы. Хотя в первые годы после объединения свальд аркалов бурлил. В свое время отец вместе с Фронсудом подавили много восстаний и жестоко казнили зачинщиков. В любом случае аркалы были союзниками. А союзников не грабят, их честь не втоптывают в грязь. Без веского повода, конечно. Но что это был за повод, и почему аркалы раскрыли рты только сейчас?

– Ну и зачем же Благословленному Предками было творить такие вещи? Он великий человек, которого уважал и любил весь Север...

– Пфф, – прыснул старик. – Тоже мне, великий. Обыкновенный разбойник, только власти у него было уж больно много... Наскучила она ему, и стал он гадости творить. А остановить-то его некому было... – Жители согласно закивали.

Какое-то время Брудвар твердил себе, что все сказанное

про его отца и брата – ложь. Однако хмурые лица стариков, чьи тусклые глаза пронзали Брудвара с неммым укором, говорили об обратном. Сын Эрнульфа хорошо разбирался в людях, и, к большому для себя сожалению, по этим взглядам он безошибочно определил, что каждый из них был готов поклясться жизнью в правдивости сказанного.

Но Брудвар не мог допустить того, чтобы и его дружина оказалась во власти скользких подозрений. Сын Эрнульфа и без того заметил, как его подавленное настроение передается воинам. К тому же, как бы он ни относился к отцу, Брудвар был обязан защитить его честь. И лучше он сделает это сейчас, прилюдно, чтобы все поняли: вождь Эргунсвальда не мог совершить подобные бесчинства.

– Ваш ненаглядный фэрл вероломно убил моего отца, самогó Благословленного Предками! А вы, плешивые псы, еще и смеете оскорблять его память лживыми речами! Говорите правду, а не то ваш визг услышат и на берегу Китового залива!

– Не веришь, значит, хм... Ну пускай, – нисколько не смутился старец. Брудвар со злостью и горечью понял, что этого человека не сломает и каленое железо. – Пойдешь дальше – тебе и не такое расскажут. Наш-то полет скоро будет окончен, врать нам незачем. А тебе лучше скорее смириться с правдой.

Брудвар напрягся и процедил сквозь зубы:

– Лучше? Скорее?

– Времена меняются. Как прежде, уже не будет.

– С чего ты это взял? Хотя ты прав: всегда можно сделать хуже.

Старик не обратил внимания на угрозу:

– Наш фэрл обрел силу, которой давным-давно лишились наши праотцы. Айтул увидел путь, который спасет аркалов, – с благоговением произнес он. – Теперь никто не посмеет унижать наше племя.

– И как же именно это случилось? Где и когда произошло?

– Это не так важно, – пожал плечами старик. – Ты сам все поймешь, когда встретишься с Айтулом.

Такой ответ не удовлетворил Брудвара. Он попытался разговаривать собеседника, упорно задавая ему новые вопросы. Объяснения мужчины оставались такими же односложными и туманными. Но он явно верил в то, о чем говорил.

– Ну а ты? Ты-то сам видел, как твой фэрл управляет этой силой? А кто-нибудь из вас? – крикнул Брудвар, теряя остатки терпения. – Так я и думал, – губы воина слились в тонкую линию. Внешне грозный, но внутри растерянный, он не понимал, каким образом Айтул сумел так быстро и разительно изменить этих людей. Не желая сдаваться, он предпринял еще одну попытку образумить стариков. – Рассказни про могущество фэрла – не больше, чем глупые выдумки ваших же шаманов. Айтул предал Север, наплевав на все клятвы. Теперь же ему просто нужны все, кто может держать оружие. – Брудвар оглядел толпу, отчаянно пытаясь найти при-

знаки страха за свою жизнь. Напрасно.

«Что ж, дам старикам последний шанс. Пусть уже делают выбор. Очевидно, большего от них не добиться. Сдурели они тут все совсем или грибного зелья перепили. А может, правду говорят, – назойливой осой мелькнула мысль. – Посмотрим, какую песню запоет Айтул, когда окажется в моих руках», – пытался успокоить себя Брудвар.

Наследник трона Скаймонда неспешно прочистил горло. Воткнул увесистый двуручник в землю и положил руки на его наверхие. Брудвар ощутил себя волчьим вожаком, стоящим перед стаей побитых жизнью собак. Он истоптал снег уже тридцати двух зим и за все прожитые годы успел привыкнуть к тому, что простой люд всегда смотрел на него со страхом и почтением. Всегда прямая осанка, бритые виски со шрамом, гордо расправленные плечи и богатый меховой плащ за спиной. Но тем, что по-настоящему отличало Брудвара от других и заставляло людей почтительно расходиться в стороны, – были яркие сапфировые глаза, в которых застыла ледяная твердость. Именно поэтому он до последнего верил, что его речь вразумит непокорных.

– Несмотря на вашу дерзость и поддержку изменника, я взываю к мудрости. Одумайтесь, признайте власть трона Скаймонда и отрекитесь от своего фэрла. Сыновья Эргунсвальда не должны сражаться друг с другом.

Но веревка, брошенная утопающим, оказалась им не нужна. Жители деревни твердо решили идти ко дну.

– Убирайся-ка ты со своими предложениями туда, откуда пришел, – таков был первый ответ из толпы. За ним последовали второй, третий, четвертый...

– Ага, наглости-то тебе не занимать. Явился, понимаешь, и всех вдруг простил. А дочь мою кто вернет? А внучку?

– Нет уж, мы лучше костями здесь, на нашей земле, ляжем, чем станем лизать тебе задницу.

– Айтул-то тебе жару задаст, помяни наши слова!

На лице Брудвара не дрогнул ни один мускул. «Видят Предки, я был терпелив. Но всему есть предел». Сын Эрнульфа молча поднял руку, а затем резко опустил. Рядом тихо выругался Вьёрд. На Севере всегда почитали и уважали стариков, заботились о них и помогали уйти к Предкам лишь по их личным просьбам. Но сын вождя и так проявил слишком много великодушия. Простить такие оскорбления означало бы показать свою слабость.

Дружинники знали, что делать. Исполнили приказ быстро, не дрогнув. Стараясь не запачкать одежду и доспехи. Да, казнь безоружных и немощных не доставляла им веселья. Но часто ли дело, которое должно исполнить, приносит радость?

* * *

– Сколько времени займет путь до Ущелья? – спросил мрачный, как грозовое небо, Брудвар.

– Если пойдём без остановок, то будем там задолго до рассвета, – отряхивая бородку от снега, ответил Вьёрд. – Но людям нужен отдых. И если нам предстоит бой, то стоит дождаться помощи. Смердит все это подлой западней. Да и кто знает, сколько воинов уже собрал этот зарвавшийся фэрл? Спешить нам некуда, Айтул вряд ли станет прятаться в горах. А даже если станет, рано или поздно мы его выкурим оттуда, хоть из-под земли достанем.

– Тогда подождём новых вестей от разведчиков и заночуем здесь. Вряд ли местные будут против. Утром узнаем, что нас ожидает. Не хотел бы я откладывать эту встречу, ох не хотел бы...

– Понимаю, – старый друг хлопнул Брудвара по спине. – Он ответит за все. Но осторожность не раз одаривала нас годами, верно? Я, конечно, тоже хотел бы как можно скорее сломать Айтулу нос и все ребра, но Эргунсвальду нужен сильный вождь. И прежде всего – живой.

Сын Эрнульфа, скрипнув зубами, согласился.

Лазутчики вернулись с хорошими вестями: ближайшие поселения пустовали, а значит, и путь был свободен. В самом же ущелье они насчитали чуть больше двадцати дюжин человек.

Несмотря на опасения Вьёрда и соратников, еще до восхода солнца Брудвар и его преданные воины покинули деревню. В ее центре, припорошенные снегом, остались лежать

трупы. Лесные вороны, еще со вчерашнего наблюдавшие за резней, издали довольный клич, приготовившись пировать.

Лишь один из них, самый старый и черный, как ночь, взмахнув крыльями, отправился вслед за уходящими воинами. Чутье подсказывало ему, что там его ждет добыча побогаче.

Глава 3

В пути

Одной из причин, по которой Брудвар любил походы, была его страсть к дикой природе. Вот и сейчас, спеша на переговоры с фэрлом аркалов и понимая, что скорее за зимой придет осень, чем один из них покинет ущелье целым и невредимым, сын Эрнульфа искренне наслаждался окружающим пейзажем. На какое-то время он постарался забыть обо всех тревогах.

Под копытами жеребца едва слышно хрустел снег. Мороз игриво щекотал небритые щеки. Мимо проплывал загадочный, пахнущий хвоей лес. Деревья, разодетые во все белое, чистое, искрились и блестели мириадами ярких крупинок. Мягко светил бледный месяц, и, лениво угасая, сияли звезды, покидающие холодное северное небо. Ненадолго. День все еще обещал быть коротким.

Штиль благостного настроения потревожило бурчание Вьёрда.

– Брр, холод-то какой собачий, – дыхнул паром воин. Его бороду покрыл густой слой инея. Отстегнув от пояса кожаную флягу, он отхлебнул большой глоток. – Ух! На вот, угостись, – протянул ее Брудвару. – Это пойло согревает так, будто в парильню сходил. Настой из яблок и меда. Крепкий, зараза, что круп моей лошадки.

– А я не замерз, – усмехнулся Брудвар, отказываясь от напитка. – Все удивляюсь, ты ж говорил, что родился у Ледяных Вод? Да там плевок превращается в ледышку еще до того, как коснется земли. Тебе ли бояться зимы?

– Ха! – прыснул раскрасневшийся, словно вареный рак, мужчина. – Есть мудрые слова на этот счет...

– Не сомневаюсь... – Ни для кого в дружине не было секретом, что Вьёрд знал множество пословиц и поговорок и любил их использовать в своих речах.

– Настоящий северянин не тот, кто холода не боится, а тот, кто тепло одевается.

– Знаю, слышал, – прищурился Брудвар.

– Бывало вот, ветер как дунет, так тебе будто дубиной по роже вмазали – до того больно и жжет все. Губы сдуру облизнешь – так скоро кровь на языке почувствуешь. А ежели меч не с той стороны возьмешь, так оставишь на железе свою кожу.

– От такой погоды никакая одежда не спасет, – заметил Брудвар, задумчиво смотря на звезды.

– Ну, выручали нас шкуры оленей и белых медведей. Последних, правда, еще завалить надо и самому при том не подохнуть... Ну а ежели нос или пальцы отморозишь, то спастись нужно было жиром нерпы или моржа. Обмажешься им – и, хоть и воняешь жутко, зато нос при тебе останется и дышится легче. Да... Видят Предки, если и существует самое поганое на свете место, так это побережье Ледяных Вод.

– Неудивительно, что там почти никто не живет...

Разговоры, как им и полагалось, заметно ускорили течение времени. Между тем светало. По мере приближения к Ущелью беспечная и легкая улыбка сползала с лица сына Эрнульфа. Закрывая глаза, он видел лица тех стариков, которые так и не отреклись от своих речей. Будущий вождь крепко задумался над словами о таинственной силе фэрла. В честном бою Брудвару не было равных, но мысль о том, что Айтул мог обладать какими-то необычными способностями, тревожила воина. По этой причине он решил поискать ответы в сказаниях прошлого.

Ночь, когда его народ впервые услышал шепот Предков, вошла в историю как Ночь откровений или Ночь двух лун. Избранные узрели один и тот же сон: им явились Эргуны – прародители северян, древнейшие из древнейших. Они открыли тайну рун и поделились своей силой, наказав хранить вечную память о той священной ночи. Тех же, кого коснулась рука Предков, стали называть шаманами.

Легенды шептали о том, что в те времена шаманы обладали невиданной властью и мощью. Они могли управлять ветром, огнем и водой, вызывать дожди и раздвигать тучи, общаться с духами и подчинять животных. С тех самых седых пор Север и стали называть Землей древних предков, то есть Эргунсвальдом. Сам же Эргунсвальд в те времена был совсем другим. В темных недрах его гор, в топях болот и в дремучих лесах обитали такие чудовища и существа, сразить

которых без помощи шаманов было невозможно.

Брудвар вспомнил кровавые легенды о варгальдах, о таинственных леших, похищавших детей, о жестоких риганах, варивших пленников в котлах, о кошмаре всего сущего – мерзком Ярдуке, которым и по сей день проклинали врагов. О беспросветном небе за Грозовым хребтом. Вот ведь действительно странная вещь – над половиной Севера и по сей день не светят звезды! Шаманы говорили, что это последствия древней войны духов.

Однако все упоминания о той силе Предков, диковинных зверях и событиях исчезли больше тысячи лет назад. Даже мудрейшие из ныне живущих – шаманы из Круга Озаренных, подтверждали, что магия, или волшебство, как называли эту силу в Империи, покинула Эргунсвальд давным-давно...

Исходя из того, что было известно будущему вождю, получалось так, что либо фэрл Айтул действительно стал новым избранным, единственным на всем Севере, либо аркалы тронулись умом, причем все поголовно. Жаль, но все предположения были лишь домыслами. К счастью, в его дружине имелся человек, который всегда знал больше других, когда речь заходила о тайнах древности.

– Признаюсь, Вьёрд, меня тревожат слова того старика о силе Айтула, – нарушил молчание Брудвар. – Хоть я и считаю их дикой выдумкой, ожидать можно чего угодно. Особенно от человека, предательски убившего моего отца... И

брата.

– Точно. И человека, по приказу которого сдирают кожу с людей.

– Позови-ка Одноглазого, думаю, ему есть что сказать по этому поводу. Как-никак, он у нас за главного шамана.

– А я уже здесь, вождь, – послышался вкрадчивый голос позади, после чего с ними поравнялся Корфулд по прозвищу Одноглазый. Он был так же похож на шамана, как барсук на лисицу. Но из этих двух животных, вне всяких сомнений, он более походил на хитрого хищника: даже его спутанные волосы отливали рыжим. На невозможно плутовском, вытянутом и худом лице ехидно блестел один глаз. Место, где должен был находиться другой, скрывал круглый кусок кожи. В любом поселении его бы без раздумий приняли за разбойника или вора... И были бы правы. Однако это несколько не помешало Корфулду овладеть древним искусством целительства, стать настоящим мастером в приготовлении различных эликсиров, а также научиться бегло говорить по-имперски. Кроме того, никто в дружине Брудвара не мог сравниться с Одноглазым в знании сказаний и мифов не только Севера, но и всего мира.

– Не торопись. Я еще не вождь, ты же знаешь это, – покачал головой Брудвар.

Корфулд лукаво прищурился и провел рукой по своим бусам из камней и костяшек:

– Иногда традиции, да простят меня Предки, нужны не

больше, чем весло охотнику.

– Иногда, – проворчал Брудвар. – Меня всегда поражало твое отрицание обычаев, – уже с ухмылкой сказал тот, – учитывая твою роль в дружине.

– Но, вождь, – возразил шаман, – ты ведь сам видел, как обстоят дела за пределами Эргунсвальда. Мы вместе бороздили моря и океаны, слышали десятки других языков, доплывали до знойных берегов Ларсии, ходили по пескам королевства Дейшер... А жемчужина Империи – белоснежная Тирокка? Ты же помнишь, как под видом купцов мы торговались на рынке, а после целую неделю обжимали южанок?

Вьёрд хохотнул и мечтательно произнес:

– Мы жили в том сладком доме целую вечность, пока наши карманы не опустели, а девки не стали ходить враскорячку! Да, невозможно забыть тот чудный город.

Брудвар был с ним полностью согласен. Как и со словами Корфулда. Пусть он и являлся наследником трона Скаймонда, будущим правителем необъятного края, полного сказаний и легенд, края, который дышал тысячелетними традициями, но в глубине души он знал, что другие народы живут совершенно иначе. И не сказать что от этого они как-то страдали.

– В общем, кто-то, может, и подстилает себе солому из молитв, а я полагаюсь на здравый смысл, остроту меча и лечебную силу растений. Это, конечно, заметно усложняет изучение истории Эргунсвальда, но и делает это занятие куда

увлекательнее.

– Ладно, хватит трепаться. Судя по тому, что мы видели, аркалы действительно верят в сказки своих шаманов. И, честно говоря, их вера в силу Айтула меня настораживает. Так, может, ты, Одноглазый, расскажешь мне о том, чего я не знаю, но знать должен?

– Меня от тех стариков до сих потряхивает, – проговорил Вьёрд, поежившись.

– Я попробую, мой вождь. Для начала напомним, откуда могут расти корни тех слухов. Итак, легенды гласят, что тридцать столетий назад произошло событие, которое вошло в историю, как Ночь откровений...

– Давай ближе к делу. Легенду про Ночь откровений любой северянин знает с пеленок. Как и про то, что сила покинула наши земли давным-давно.

Насупившись, Корфулд подчинился:

– Ну, есть у меня на этот счет одно предположение, или, как говорят в Империи, «теория», способная дать некоторые ответы.

– Ты откуда слов-то таких понабрался, а, Одноглазый? – недоверчиво зыркнул на него Вьёрд. – Что это вообще такое, эта твоя «тиория»?

– Сказал же, предположение, – с презрением ответил Корфулд. – Так вот, попал как-то ко мне в руки один интересный раб. Умнейшим человеком оказался! У них там в Империи в самой столице есть огромная башня, где хранятся всякие

знания и где целый специальный орден ломает головы над разгадкой секретов мироздания. Так вот, раб этот оказался прямиком из того ордена. И поведал мне много интересных вещей.

Значит, так, есть теория, предположение, – шаман с наслаждением клюнул взглядом Вьёрда, – что миром правят два начала: Порядок и Хаос. Эти силы будто бы находятся на разных чашах Весов Мироздания. И чаши эти всегда колеблются. Истинный Порядок означает полное отсутствие магии, силы и всего того, о чем мы слышали из легенд. Хаос же, наоборот – позволяет магии свободно течь по жилам мира, изменяя его обитателей.

– Течь по жилам мира... – тихо пробурчал Вьёрд.

– Есть теория, предположение, – Корфулд снова посмотрел на Вьёрда так, словно перед ним сидел на коне деревенский дурачок, – что до пришествия Даргэна миром правил Хаос, а после – наступила эра Порядка. Это подтверждают легенды Севера. Вспомните: Сила покинула Эргунсвальд более тысячи лет назад...

– Как раз тогда, когда в Империю пришел культ Просветителя, – подвел итог сын Эрнульфа. – Что ж, звучит и вправду складно. Но даже эта теория...

– Предположение... – Одноглазый вновь кольнул Вьёрда, заставив того рассвирепеть не на шутку, – подтверждает, что Айтул – обычный человек.

– Верно. Человек из плоти и крови, который точно так же

умрет от твоего меча, как и все, кто вставал на твоём пути, – согласился с Одноглазым Вьёрд.

«Как и все, кто окажется на нём», – добавил про себя Брудвар, мельком подумав о том, кто же станет ему достойным соперником после усмирения аркалов. Мысль о том, что ему придется надолго осесть в Скаймонде, показалась очень неуютной.

* * *

Когда до ущелья оставалось всего несколько миль, Брудвар скомандовал остановиться на короткий привал. Он ждал последнего доклада разведки. Изучить стан врага отправилась его лучшая разведчица. Ждать ее возвращения пришлось недолго.

– Вождь!

– Смотрите-ка, Березка вернулась! – лагерь огласили крики соратников.

Закутанная в маскировочный грязно-белый плащ, навстречу войску, лихо погоняя серую кобылу, резво мчалась белокурая женщина.

«Улыбается, – пригляделся Брудвар. – Значит, все хорошо. И, скорее всего, плохо для Айтула».

– Приветствую, Грайдис! Чем порадуешь? – спросил он, как только главный человек в его разведке подъехал ближе. Лошадь под ней тяжело дышала и, казалось, могла свалиться

в любую минуту. Между тем сама наездница выглядела на удивление свежо. Черные соболиные брови ярко подчеркивали белизну ее разрумянившегося лица.

– Мой вождь, – с достоинством, которому позавидовали бы все правители мира, кивнула она.

«Ладно, пора уже привыкать к этому титулу. Тем более что вся дружина жаждет этого момента не меньше моего. Да и поздно уже этих засранцев учить уму-разуму».

– Численность их войска не изменилась, – бодро доложила Грайдис. – Мои ласточки заняли хорошие позиции у вершин, с них прекрасно видны подходы к другой стороне ущелья. Если кто и спешит на выручку фэрлу, он будет там не скоро. Их лагерь укреплен слабо, нас вряд ли ожидает западня. Но, что интересно, в середине ущелья стоит шатер. Его не охраняют, да и располагается он далековато от войска Айтула. Мои девочки сказали, что его поставили только сегодня утром. В общем, если нападём сейчас, то разнесем их в щепки.

– Не торопись, Березка. Айтул нужен мне живым, не хочу, чтобы кто-нибудь из наших ненароком выпустил из него кишки. К тому же, судя по всему, он даже подготовил тепленькое место для нашей милой беседы. И мне очень интересно знать, что он мне расскажет, – во взгляде Брудвара сверкнула сталь, а в голосе появилась жесткость. – Но как только мы закончим этот разговор... – опасный и отлично знакомый Брудвару огонек заплясал в глазах дружинников,

услышавших его речь, – то Айтул и все его воины познают силу нашего гнева и остроту мечей. Никто не смеет насмехаться над нами!

– Вот такие переговоры я люблю! – хлопнула в ладоши Грайдис. – Узнаю нашего вождя.

Вьёрд не разделял всеобщего ликования.

– Ох и странно все это. Ох и странно, – озабоченно изрек соратник. – Фэрл явно что-то задумал, но не пойму, на что он надеется? Либо ты, Березка, и твои ласточки уже не такие зоркие, либо Айтул действительно хочет как-то одурачить тебя. – Вьёрд посмотрел в глаза Брудвара.

– За меня не волнуйся, пузатик, я свое дело знаю! – огрызнулась Грайдис. – Если говорю, что засады нет, значит, так оно и есть.

– Поверь, от этой неизвестности меня уже тошнит. – Сын Эрнульфа свел брови. – Жизнь Айтула висит на волоске, а я даже не могу представить, что он может предложить для ее спасения. Но у меня накопилось слишком много вопросов. И ответы на них я получу. – Воин сжал кулак в меховой перчатке. – И сегодня же.

– Может быть, все-таки подмогиждемся? – не отступал Вьёрд. – Лучше девять раз поворотить, чем разок на мель сесть...

– С каких это пор ты стал таким осторожным? – ехидно поинтересовалась Грайдис. – Сказала же: путь к ущелью чист.

– С тех самых, как узнал о смерти Эрнульфа. Я бы хотел увидеть, как наш вождь сядет на трон Скаймонда. Мне приснилось, что он станет великим правителем, – по-доброму ухмыльнулся воин.

– А Вьёрд прав, – наконец, высказался Одноглазый. – Хотя никто из нас и не верит словам аркалов, но все это выглядит крайне подозрительно. А если подозрительно, значит, опасно.

– Тогда, может, ну их, эти переговоры? – предложила разведчица. – Просто перебьем их всех? И не таких ломали. А фэрла постараемся в плен взять. Доставим Айтула тебе, как барашка на вертеле. Горло резать не будем, говорить сможет.

Брудвар оглядел соратников и одарил их глубоким, искренним и благодарным взглядом.

– Ценю вашу заботу. Правда, ценю. – Он тяжело вздохнул. – Но мы не станем менять план. Если сегодня нам и суждено обнажить мечи, то мы победим. Не забывайте, что мы превосходим врага числом, а это – уже приговор для фэрла. Вспомните, сколько раз мы разбивали таких смельчаков? Тот же. Вы, да и все в дружине, знаете, что я всегда сражался бок о бок с вами, всегда вел вас вперед. И мой будущий титул вождя ничего не изменит. Возможно, кто-то из вас думает, что это глупо, безрассудно... – Соратники опустили головы, не выдержав пристального взгляда. – Возможно, вы правы. Но это мой путь, мой выбор и мое решение. Не прятаться. Не сдаваться. Встречать все радости и невзгоды ли-

цом к лицу. Жить, чувствуя соленые брызги волн на щеках, свежесть горного ветра, тепло летнего солнца, обжигающий холод снега. Жить, упиваясь пьянящим весельем битвы, вкушая радость побед и горечь поражений... И если мне суждено пасть от меча, что ж, я приму это, отправлюсь на встречу к своим предкам с гордо поднятой головой. Но не предлагайте мне укрыться за вашими спинами и позорно ждать окончания битвы. Верьте своему вождю!

Они верили. Не могли не верить. И подчинились беспрекословно.

Глава 4

Наследие

Ущелье было одним из тех удивительных мест, которые одновременно и пугали, и восхищали человеческое сердце. Могучую горную глыбу разрезал приток реки Буйной, каким-то чудом прорубивший путь в каменном гиганте. Сейчас, когда воду сковал лед, ущелье выглядело заметно шире, однако недостаточно широким для того, чтобы путники могли чувствовать себя в безопасности. Голые отвесные скалы подавляли и будоражили дух, грозно нависая и милями устремляясь ввысь. Казалось, что в любой момент они могут сомкнуться и раздавить человека, ощущавшего себя здесь совершенно беспомощным. По этой причине в ущелье никто не жил – здесь никогда не было поселений, а путники, подгоняемые безотчетным страхом, спешили пройти это зловещее место как можно быстрее. Однако сегодня посреди разлома стоял настоящий лагерь. Дымили костры, шуршали палатки, и громко хрустел снег под ногами вражеских воинов. Свободно гуляющее эхо донесло до ушей Брудвара их встревоженные голоса. Это не удивило сына Эрнульфа: им было чего бояться.

Между тем кое-что все же смогло вызвать любопытство будущего вождя. Как и сообщила Грайдис, в отдалении от стоянки вражеского войска, прямо на пути дружины кто-то

разбил просторный, обшитый оленьими шкурами чум.

– Хм... Вот и место для переговоров, – озвучил общую мысль рыжий шаман.

– Хорошо бы узнать, кто там внутри сидит, – облизнулась Березка.

Словно услышав вопрос разведчицы, из чума вышел мужчина. Один, без всякого оружия. Как ни в чем не бывало он сделал приветственный жест, чем немало озадачил всю дружину Брудвара.

Будущий вождь сосредоточенно посмотрел вперед, а затем поднял руку, останавливая своих воинов. Он узнал этого седовласого человека в меховом жилете. Довелось как-то видывать его в тронном зале Скаймонда, когда фэрл аркалов приносил клятву верности вождю, убитому им впоследствии.

– Грайдис, Вьёрд, пойдете со мной. Осмотрите палатку и если все в порядке, то подождете меня снаружи. Ну а когда вернемся к нашим, то и протрубим в рог.

– А если в палатке будет не только фэрл? – спросил здоровяк, закидывая на плечо огромный боевой молот.

– Значит, придется тебе раскроить парочку черепов, пока Одноглазый и остальные не прикроют наши спины, – сверкнул зубами Брудвар.

– За тебя – с радостью, – Вьёрд ударил себя в грудь. От его беспокойства не осталось и следа. – Ремесло другое, да орудие все то же, – мужчина громко засмеялся своей боро-

датой шутке. Он повторял ее перед каждой битвой и любил напоминать всем, что был не только отличным воином, но и мастером кузнечного дела.

– Тогда вперед! – громко скомандовал Брудвар и поскакал к Айтулу.

Расстояние между ними быстро сокращалось. Сердцу Брудвара становилось все теснее в груди, а тело от макушки до самых пят захлестывала волна тихой ярости. Мало того, что Айтул несколько его не боялся, так он еще и вел себя так, будто ничего особенного не произошло.

Фэрл аркалов оставался все так же спокоен, словно гладь лесного озера. Он даже не шелохнулся, когда Брудвар спрыгнул с коня и замер в шаге от него.

– Благодарю, что пришел, – учтиво произнес Айтул без тени усмешки.

Брудвар ответил испепеляющим взглядом. Желто-зеленые глаза фэрла, окаймленные татуировкой в виде звезд, выдержали натиск. Несколько секунд они – лед и пламя – смотрели друг на друга, сражаясь в невидимой дуэли.

Внезапно ущелье взвыло пронизывающим до костей ветром. Ледяной ураган подул со всех сторон, бросив горсть снега за ворот Брудвара, заставив прикрыть глаза.

– Может, поговорим внутри? – Айтул обернулся и отодвинул занавес, предлагая войти в чум.

– Назови хоть одну причину, по которой я не должен зарубить тебя прямо сейчас? – не стал тянуть будущий вождь.

– Правда, которую ты ищешь, – тихо ответил Айтул. – Сомнения, что тебя гложут. Будь ты абсолютно уверен в том, что я такой подлец, каким меня все ваши считают, то не стал бы церемониться. Но у тебя много вопросов, а у меня есть на них ответы.

– Ну, о моих мотивах догадался бы и ребенок. Ладно, – не стал упорствовать Брудвар, ощутив неприятную влагу за своей шеей. – Грайдис, Вьёрд, осмотрите палатку.

– Как пожелаешь, – уступил фэрл. – Все мои воины ждут в лагере, и тебе нечего бояться. И все же я бы предпочел говорить наедине.

– Никого, – растерянно объявил верный друг после проверки.

– Чисто, – озадаченно подтвердила Грайдис.

Брудвар хмуро кивнул и вошел вслед за фэрлом.

Ветер перестал звенеть в ушах, а тело тут же расслабилось от тепла и приятного полумрака. В центре чума уютно горел костер. Возле него расположились два приземистых стула, чьи спинки покрывали козьи шкуры. В углу пускал пар видавший виды котелок. В нос ударил горький запах полыни. Обстановка располагала к приятной беседе, но сын Эрнульфа прекрасно помнил, зачем пришел.

Не дожидаясь приглашения, Брудвар перекинул ножны с мечом и сел напротив Айтула. Он сразу подметил, как изменился фэрл аркалов. И таинственные тени от огня, плясавшие на скуластом лице, были здесь ни при чем. Жизнь фэр-

ла клонилась к закату, но его годы будто обратились вспять: глубокие морщины разгладились, мужчина окреп, стал чуть выше и явно моложе.

– Ну что же, поговорим, – начал Брудвар, внимательно смотря на Айтула, пытаясь найти места в его одежде, где мог бы уместиться нож или кинжал. – Встреча твоих людей оставила не очень приятное послевкусие. И мне интересно узнать, как ты сумел настроить целый свальд против меня? Почему аркалы предпочитают скорее броситься на меч, чем признать, что их фэрл – клятвопреступник? Что за лживые слухи ходят о моем отце? И самое главное: за что ты убил его... и моего брата?

Айтул сплел пальцы рук, склонил голову и спокойно ответил:

– Я расскажу тебе все от начала и до конца, а кое-что даже покажу. Постарайся не перебивать меня, сын Эрнульфа, ибо услышанное тебе не понравится.

– Будь по-твоему. Но знай: если выкинешь что, я больше медлить не стану. – Брудвар красноречиво похлопал по ножнам.

– Кровью правду не докажешь, – презрительно усмехнулся фэрл. – Ты можешь отворачиваться от нее сколько угодно, но если истину похоронишь, то и сам из ямы не вылезешь.

Брудвар вскинул голову, готовясь достойно ответить, но сдержался. Никогда враги не осмеливались учить его жизни.

– Начинай. А я, так и быть, помолчу, послушаю «правду».

Фэрл сложил пальцы в замок и продолжил борьбу взглядом.

– Двадцать лет назад я преклонил колени перед тронном Скаймонда. Не стану врать, сделать это было непросто. Аркалы – народ гордый, но, к сожалению, не такой многочисленный, как вы – скордвеги. Кроме того, наши племена издавна разделяла вражда, которая мешала воспринять идеи твоего отца и деда о едином и могучем Севере. Впрочем, чем все закончилось, ты и так знаешь. У меня не было иного выбора, я подчинился, и аркалы стали последним племенем, вошедшим в состав Эргунсвальда. Мечта твоих предков сбылась, – Айтул скривился. – А мой кошмар только начался. К несчастью, некоторые старейшины не поддержали меня и взяли за оружие. Как ты уже знаешь, ничем хорошим это не закончилось: твой отец вырезал треть свальда.

– Это твоя вина, не перекладывай ее на вождя. Ты сам должен был образумить своих людей.

– Я пытался. Пытался, как мог. Хотел сохранить как можно больше жизней. Но орлы – птицы вольные. Посади их в клетки, и они будут кусать прутья.

– Ты пытаешься оправдать изменников. Я не удивлен, – заметил Брудвар.

– Вовсе нет. Я бы многое отдал, чтобы изменить прошлое. Но это вряд ли бы изменило настоящее.

– Говори яснее.

– Эрнульф бы быстро наскучила мирная жизнь, и он при-

нялся творить то, что делает большинство правителей, когда понимают, что их власть безгранична, – сказав это, Айтул ненадолго замолчал, а после продолжил: – Все началось с того, что твоему отцу приглянулась моя младшая дочь. Звали ее Сандарией. – Губы Айтула сжались, а взгляд ожесточился. – Он стал настойчиво добиваться ее внимания. Однако Сандария не горела желанием делить с ним постель. И то было ее право. Когда терпение вождя лопнуло – а произошло это очень быстро, – твой отец сказал мне, что увезет Сандарию в Скаймонд. Он не предложил ни подарков, ни клятв, ничего. Эрнульф и не скрывал, что хочет взять мою дочь не в жены, а в простые наложницы.

Брудвар понимал, что такое поведение уже само по себе являлось тяжким оскорблением. Ведь Айтул, хоть и не сидел на троне Скаймонда, был фэрлом. А в глазах жителей свальда аркалов это делало его практически равным вождю.

– Я не вытерпел и сказал ему, чтобы он навсегда забыл о Сандарии и не смел прикасаться к моим дочерям. Мой ответ ему не понравился... В тот же год он заявился в одну из деревень. Приехал вместе с твоим братом Сигизмиром и крепкой дружиной в придачу. Как и положено, вождя встретили с радушием и почетом. Только вот Благословленный Предками стал вести себя совсем не так, как подобало бы это делать защитнику Севера. Эрнульф пировал целый месяц, требуя все больше яств и развлечений, пока народ не стал роптать. Помирать от голода по прихоти вождя не хоте-

лось никому. Наконец хэрдинг того селения набрался храбрости и спросил Эрнульфа, намерен ли тот чем-то отплатить за длительный постой. Вождь отплатил: хэрдингу отрезали язык. Тех, кто осмелился открыто высказать недовольство, жестоко избили. Ну а потом, когда прежние игрища наскучили, Эрнульф и его дружинники перешли к более суровым забавам. – Айтул ненадолго прервался, пристально наблюдая за реакцией Брудвара. – Вскоре невыносимые слухи дошли и до моих ушей. Поначалу я, как и ты сейчас, не верил ни единому слову. – От фэрла не укрылось сомнение, с которым Брудвар его слушал. – Все же мы стали больше, чем союзниками. Эрнульф лично обещал соблюдать неприкосновенность границ и уважать власть фэрла наравне с другими. Вождь принес клятвы...

«А клятвы на Севере – это всегда больше, чем просто слова», – Брудвар вспомнил наставления деда Рагнира.

– Но, к моему ужасу, донесения оказались правдивы. Когда я прибыл в ту деревню, Эрнульф и его дружинники уже обесчестили всех женщин. Я не мог оставаться в стороне и попытался образумить вождя... Я хотел понять, в чем была причина его чудовищных поступков. Эрнульф ждал меня. Вождь сказал, что в этой деревне якобы жили смутьяны. Одни из тех, кому когда-то удалось скрыться. В доказательство он привел слова одного из своих воинов...

После этого он пообещал, что отныне через каждые три луны будет приезжать в земли аркалов и лично проверять

нашу преданность. С тех пор он и стал делать все, что ему вздумается. Я хорошо запомнил тот день, Брудвар. Твой отец тогда сказал, что клятвы, данные псам, не имеют силы и что, если я осмелюсь бунтовать, он вырежет всех аркалов, а моих детей для потехи сунет в клетку к медведям. Да... Он тогда и не задумывался, что когда собаку загоняют в угол и бьют палкой, то рано или поздно она может огрызнуться.

Что-то в голосе Айтула поколебало уверенность Брудвара в невиновности отца. Возможно, искренность, с которой говорил фэрл. А возможно, и то, как он держался и смотрел на Брудвара. Было в том пронзительном взгляде нечто, от чего волосы вставали дыбом.

– Тогда почему же ты не попросил помощи у фэрлов? Неужели никто не знал о том, что происходило в свальде?

– Не будь наивным, Брудвар. Слухи, может, и были, но никто не стал бы вмешиваться. Кто осмелится пойти против Благословленного Предками и его Избранной Тысячи? Дрогмардцы были бы только рады нашим унижениям, ройсы – точно бы закрыли на это глаза. Я слышал, Эльстира давно мечтала породниться с твоей семьей. У нее много дочерей, а Сигизмир как раз женат не был. Тем, кто правит за Грозовым хребтом, вообще все равно, что у нас происходит. У них и своих забот полно. Да что тут говорить, даже среди аркалов были те, кто считал, что лучше дать волку терзать несколько овец, нежели все стадо. – На губах Айтула застыла горечь. – Угрозы твоего отца тоже связывали мне руки. Ты бы понял,

если б у тебя была дочь.

Сын вождя молчал.

– Все еще не веришь? Ну смотри тогда. – Под удивленным взглядом Брудвара Айтул встал к нему спиной. – Не забыл, как выглядит знамя твоего отца? – вопрос не требовал ответа: кулак в латной перчатке, сжимающий копье, на фоне леса.

Фэрл аркалов оголил тело до плеч. Сын Эрнульфа вздрогнул. «Нет, этого не может быть!» – у основания шеи Айтула виднелся круглый ожог, своим рисунком в точности повторяющий знамя убитого вождя. Таким способом северяне клеймили тех рабов, которым уже никогда не светило солнце свободной жизни. В случае их побега владельца можно было найти очень легко. Шквал сомнений вновь атаковал Брудвара, воин не нашелся, что сказать.

– Это далеко не все, что сделал твой отец. – Желто-зеленые глаза вспыхнули гневом. – Смотри, сын Эрнульфа, смотри внимательно. – Айтул склонился над костром, пропел что-то на неизвестном языке, а потом провел ладонью над пламенем. Так близко, что кожа должна была расплавиться. Огонь зашипел и вспыхнул фонтаном искр, будто, кто-то бросил в него охапку березовой коры.

Брудвар отпрянул, чуть не свалившись со стула, а затем широко раскрыл глаза.

Языки пламени превратились в пугающе четкие фигуры людей. Они ожили и пришли в движение. Плечистый парень с косичкой у виска, в котором Брудвар узнал Сигизмира, та-

щит за волосы девушку в разорванном платье. Она упирается, кричит, бьется в истерике, но не может разжать хватки. Татуировки вокруг глаз выдают ее племя...

Огонь меняет свои очертания, рисуя новое полотно.

Фэрл аркалов привязан к дереву. Пустым немигающим взглядом он смотрит вниз. Перед ним, уперев руки в бока, хохочет Эрнульф. Изможденный, почти мертвый фэрл харкает кровью, получая от вождя Севера сильный удар в живот...

Невидимый ветер сдул огненные миражи, и костер вновь потрескивал тихо, по-домашнему.

– Девушка, которую держал твой брат, и была Сандарией. – Татуировки-звезды вокруг глаз фэрла побагровели. – Она не выдержала позора и наложила на себя руки. – По его телу пробежала дрожь. – К счастью, мою младшую дочь они найти не сумели, – едва слышно добавил Айтул.

Увиденное поразило Брудвара намного больше, чем осознание того, что именно сотворил фэрл аркалов на его глазах. Слухи про необычную силу Айтула нашли свое подтверждение. Но это было мелочью по сравнению с теми чувствами, которые забурлили в его душе.

Светлая память об отце медленно разлеталась на тысячи осколков. Память о брате стала еще чернее. Вспомнились частые поездки вождя в земли аркалов, разговоры о том, каким щедрым стало это племя... Перед глазами ожили злые усмешки Сигизмира, любившего поговаривать о том, что ар-

калам нужна сильная рука. Случаи, которым Брудвар никогда не придавал значения, выстроились в цельную картину ошеломляюще позорных фактов. Сейчас Брудвар был готов отказаться от трона Скаймонда, лишь бы узнать, что ошибается. Он изо всех сил пытался убедить себя в этом. Безуспешно. Постепенно гнев остыл, уступив место холодной горечи.

– А-а-а, вижу, ты понял. Осознал. Поверил, – прошипел Айтул, будто бы заглянув в сердце Брудвара.

Сын вождя выдержал паузу. Подавленный, он никогда бы не подумал, что отец станет его самым большим разочарованием в жизни. Грустная улыбка скользнула по губам. «По крайней мере, теперь, чтобы превзойти достижения своего отца, мне достаточно не быть такой же сволочью. Ладно, это уже в прошлом. Сейчас нужно расхлебывать ту горькую кашу, что он заварил. Посмотрим, что скажет фэрл. Видать, у него есть какой-то план».

– Поверил... Возможно, – проскрежетал сын Эрнульфа. – И даже могу понять, почему ты убил их. Любой мужчина и отец на твоём месте поступил бы точно так же. Но я бы хотел выслушать и вторую часть твоего рассказа перед тем, как принять решение. Этот фокус с огнём... впечатляет. Но, судя по тому, что я уже слышал, это лишь малая часть твоих умений. Так что за силой ты обладаешь и в чём её источник?

– О, я охотно расскажу тебе про все, Брудвар. В конце концов, нам с тобой решать, что делать дальше. Между при-

ездами вождя я отправлялся в горы. Странствовал, размышлял, искал путь, который мог бы спасти мой народ от унижений и позволил бы отомстить Эрнульффу. О, как же я ненавидел вождя! С какой страстью молился и как мечтал о справедливости! Звезды гасли от моего отчаяния, которое не раз настигало меня на краю обрыва. Но я не мог бросить свое племя, не мог сбежать, оставив их в руках твоего отца. Пусть я был не в силах противиться его гнусной воле, но истинный фэрл всегда должен разделять страдания своих людей, быть для них символом борьбы и надежды.

Шли годы, а Предки молчали, не слыша меня. Страх и уныние прочно пустили корни в моих землях. Но мне повезло. – Айтул расслабленно откинулся назад. – Чудесный случай, немислимое провидение дали ключ к спасению. В местах далеких и труднопроходимых, где еще не ступала нога человека, я забрел в одну пещеру. Мое внимание привлекло тусклое, едва заметное сияние, освещающее своды. Идя к нему, спускаясь к самым недрам земли, я обнаружил настоящее сокровище. – Во взгляде фэрла промелькнула искра безумия. – Вот это! – Айтул вытащил толстую золотую цепь, которая была скрыта под одеждой. К ней был привязан удивительный камень в желто-оранжевой оправе. Под гладкой бурой оболочкой пульсировала красная сердцевина, источая мягкий рубиновый свет.

Брудвар не смог отвести замороженного взгляда от вещи. На какой-то миг ему показалось, что в минерале заперто жи-

вое существо.

– Никогда не видел ничего подобного, – признался воин. Айтул надменно усмехнулся и продолжил.

– Этот камень лежал на дне той пещеры. Ты не поверишь, но едва прикоснувшись к нему, сжав в своей ладони, я услышал шепот бога. Нет, не Предков, не Эргунов, которые оставались глухи к моим просьбам, а бога. Несправедливо забытого и отвергнутого, дремлющего, ждущего того, кто освободит его и подобных ему от оков. Он рассказал мне об истинных создателях нашего мира, о силах, что им управляют, о том, как умиловить их и получить их благосклонность.

Мы говорили так долго, что я потерял счет времени: оно перестало иметь значение. Луна и солнце кружились в бесконечном хороводе, дни сменялись неделями, а я постигал мудрость бога, слушал его откровения и впитывал в себя новые знания, не думая о пище или сне. О, я был хорошим учеником. И он вознаградил меня сполна. Бог наполнил мое тело новой жизнью и пробудил во мне древнюю, могучую силу. В тот день я заново родился. И когда я вышел из пещеры и вновь увидел небо, – на устах Айтула медленно расплылась жуткая улыбка, – уже знал, как изменить все.

Брудвар хоть и не был шаманом, но все же чувствовал присутствие рядом с собой какой-то грозной и безжалостной силы. Внутри сына Эрнульфа ожило давно испытываемое им ощущение. Как и все люди, Брудвар боялся того, чего не мог объяснить его разум. Несмотря на то, что снаружи палатки

его ждали два верных воина, липкая испарина тревоги покрыла спину мужчины, а страх цепко вцепился в горло.

– А как же зовут твоего бога? – воин собрался с духом.

– Сакгот, – торжественно ответил Айтул. – Но вряд ли это имя тебе что-нибудь скажет.

– Имя – нет. Но я видел, что твои люди принесли в жертву человека. Это было сделано во славу Сакгота?

В глазах Айтула вновь сверкнул огонь безумия.

– Нет, не только. Но разве Эргунсвальд не слышал о таких ритуалах? Человеческая жизнь всегда была лучшим угощением для самых разных духов.

– Но не для Предков! Они никогда не нуждались в таких подношениях! Обычай всех без исключения племен Севера запрещают творить подобное!

– Мне теперь нет дела до Предков. Они не дали мне ничего, кроме пустых надежд. Сила же, которой наделил меня Сакгот, – реальна. А посылая на заклятие своих врагов, мы лишь укрепляем ее. – Глаза фэрла, казалось, прожигали Брудвара насквозь.

– Что бы ты там себе ни придумал, Север не станет поклоняться таким богам, – жестко ответил воин, пытаясь прогнать страх.

– Посмотрим, посмотрим. Пусть люди сами сделают выбор.

– Здесь не может быть никакого выбора.

Айтул тяжело вздохнул и с сожалением помотал головой.

– Вот потому-то мы и должны договориться, пока не стало поздно. Дело в том, что аркалы больше не хотят быть частью единого Севера. Мы жаждем вернуть нашу свободу и не потерпим, чтобы вожди Скаймонда помыкали нами. Нам известно, чего стоят их клятвы. Но, Брудвар, я не хочу войны, мое племя и так настрадалось вдоволь. Поэтому я и обратился к тебе. Знаю, что ты умен и рассудителен. Знаю, что ты не такой, как твой отец и брат.

– Ты прав, я не такой. Но пойми, закрыть глаза на их убийство я тоже не могу. Мой отец, что бы он ни натворил, был вождем Севера, Благословленным Предками. Что скажут остальные фэрлы, если я так просто отпущу тебя? Кто станет бояться и уважать меня, если я освобожу от клятв целый свальд?!

– А что скажут фэрлы, если все-таки узнают правду? – Легкая улыбка сползла с лица седого фэрла. – Теперь-то они меня точно услышат.

– Не будь наивным, Айтул. Они скажут, что жестокие вещи случаются, – ледяным тоном ответил Брудвар. – Да и поверят они скорее мне, а не убийце вождя и отступнику. Неужто ты подумал, что я позволю так просто взять и разрушить деяния моих предков? Ты и вправду безумен, если считаешь на это. – К Брудвару возвращалась уверенность. Ее питал гнев. Ни один человек не смел диктовать сыну Эрнульфа своих условий. – Может, это сокровище и делает тебя сильнее, – Брудвар указал на камень, стараясь не

смотреть на его бурое сияние, – но не настолько, чтобы ты один совладал со всем войском Севера.

– А я буду не один. Боги охотно делятся силой с моим народом. Очень скоро шаманы аркалов смогут останавливать целые армии. Ветер будет срывать кожу с наших врагов, огонь испепелит их внутренности. Но даже если и умрет половина моего свальда, те, кто выживет, будут свободны до конца своих дней. И если другого выхода нет, я готов пойти на такие жертвы.

– И не отступишь?

– Не отступлю.

Речи Айтугла звучали жутко, и Брудвар видел, какой решимостью пылал его взгляд. Однако сын Эрнульфа невольно зауважал фэрла. Ведь, несмотря на всю бездну разделявших их противоречий, между ними обнаружилось нечто общее. Оба были готовы защищать своих людей и стоять рядом с ними до самого конца. Оба не боялись умереть за дело, которое считали правым. Но все зашло слишком далеко, ситуация принимала очень скверный оборот, а идти на попятную и показывать слабость Брудвар не мог. Грозная складка пролегла поперек лба воина, когда он озвучил свои условия:

– Ну ладно. А теперь ты послушай меня внимательно. Кошмар твоего племени окончен, а месть совершена. Учитывая, сколько боли принес мой отец, я признаю за тобой право на возмездие и не стану требовать твою жизнь взамен его. – Совесть никогда не была сильной стороной Брудвара,

однако после исповеди Айтула именно она склонила война к милосердию. – Но фэрл, который под покровом ночи убил вождя, фэрл, который не чтит обычаи Севера, не может стоять во главе свальда. Поэтому ты навсегда покинешь Север и отдашь проклятый камень Озаренным. – Брудвар надеялся, что мудрецы сумеют разгадать загадку этой вещи и обуздают силу, сокрытую в ней. – Аркалы же изберут нового фэрла, останутся в составе Эргунсвальда и сожгут своих темных идолов. Лишь это позволит сохранить мир. Иначе мне все-таки придется спустить Фронсуда с цепи и вновь убедить твое племя силой меча. И запомни: угрожать мне войной – пустое дело. Ведь, Айтул, война всегда была моей стихией.

– Эх, Брудвар, Брудвар... Жаль. Но попытаться стоило, – разочарованно произнес фэрл и спрятал камень. – В палатке отчетливо запахло грозой, а костер вдруг вспылал еще ярче. – Люди никогда не верят, покуда не узрят все сами, да, сын Эрнульфа?

Острая, невыносимая боль пронзила голову Брудвара. От неожиданности он застонал и упал со стула.

– Скоро ты станешь более сговорчивым. – Фэрл наступил на его пальцы, тянувшиеся к мечу. – А если нет, то твоя мать наверняка пойдет на уступки. Вряд ли ей захочется оплакивать еще одного сына.

– Вьёрд... Грайдис... – Брудвар пытался позвать на помощь соратников, но каждое слово давалось ему с титаническим трудом. Из носа ручьем потекла кровь. Воин собрал

волю в кулак, вдохнул побольше воздуха и выпустил наружу всю свою ярость, на миг перестав мучиться:

– ВЬЁЁЁЁЁРД!!!

Палатка сотряслась и опасно заскрипела, едва не обрушившись: верный соратник ворвался в чум. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, в чем дело. Не тратя время на то, чтобы достать молот, воин рванул с места и кинулся на Айтула с голыми руками.

Противник был невероятно проворен. Он увернулся, схватил стул и со всего размаха огрел Вьёрда по затылку, сбив с ног.

В чум юркнула Грайдис. Белокурая женщина выхватила из голенища нож и уже занесла руку для броска, как вдруг захрипела и потянулась к шее, выронив оружие.

Айтул с перекошенным от гнева лицом вытянул руку, сжимая пальцы вокруг чего-то невидимого. Но, защищаясь, фэрл отвлекся от своей главной цели и не заметил, как быстро Брудвар сумел прийти в себя. Недолго думая, сын Эрнульфа схватил еще дымящийся котелок, удачно подвернувшийся рядом, и плеснул содержимое в голову фэрла.

Айтул протяжно взвыл, закрыв лицо ладонями. Полуослепший, рычащий, взбесившийся, словно зверь, он вихрем выбежал наружу.

– За ним! Нельзя дать ему уйти, – вскочил Брудвар и, невзирая на лютую боль в висках, помчался в погоню.

Увидев неладное, дружинники засуетились. Громыкнула

команда Одноглазого приготовиться к бою.

Отбежав на почтительное расстояние, фэрл обернулся. Крепко зажмурился, что-то зашептал. На лбу Айтула проступила сетка вен, цвет его лица изменился, став землистым. Он хлопнул в ладоши и рухнул на колени. Послышался ужа-сающий, разрывающий уши грохочущий звук. Могучие ска-лы, нависавшие с двух сторон над войском Брудвара, покры-лись трещинами и раскололись. Один за другим, стремитель-но и неотвратно, огромные куски горной породы начали па-дать. Надрывные крики беспомощных людей утонули в су-масшедшем грохоте и пыли. В считанные мгновения дружина Брудвара была погребена заживо и раздавлена камнепадом.

Изможденный фэрл открыл глаза и слабо улыбнулся. За его спиной уже ликовали аркалы, бежавшие навстречу Брудвару. Сын Эрнульфа крепко сжал рукоять меча и приго-товился к битве. Никогда в жизни он не ошибался так силь-но, как в этот злополучный день.

Глава 5

Расплата

Воин разрывался между желанием броситься на помощь соратникам и тем, чтобы покрошить на куски аркалов, ринувшись в бой. Сердце обливалось кровью от криков людей, которых он мог назвать своей семьей. Большинство верных дружинников погибли сразу, но, судя по душераздирающим звукам, оставалось и много тех, кто с переломанными костями стонал под грудой камней, и тех, кто сейчас отчаянно барахтался в ледяной воде. Но Брудвар замер, неотрывно глядя в лица аркалов. Прикрыв Айтула, живая стена врагов приближалась. Их гнусные улыбки быстро переполняли чашу ярости воина. Рядом с ним уже стоял могучий, как дуб, Вьёрд. Обычно добрые глаза кузнеца горели бешенством, а по щекам текли злые слезы. В его руках, которые могли гнуть подковы, угрожающе качался молот. Один конец его был плоским, а другой заканчивался острым шипом, с помощью которого Вьёрд мог пробить любой доспех.

Грайдис же убежала к соратникам. Брудвар видел ее спину, когда беспомощно смотрел на камнепад, с горечью понимая, что в спешке и самоуверенности завел людей в ловушку и обрек на мучительную смерть. Поэтому он не винил ее, молясь о том, чтобы разведчица смогла спастись и увести с собой хотя бы нескольких раненых. Кроме того, едва ли она

могла хоть как-то изменить соотношение сил. Пять десятков воинов из воинства Айтула уже окружали двоицу, оценивая и наблюдая. Первые ряды, оцетинившись копьями, медленно сужали круг. Брудвар успел подумать, что сильно ошибся, понадеявшись на то, что нужен фэрлу живым.

Один из аркалов – дородный бугай с внушительным подбородком, то ли не выдержав напряжения, то ли будучи отчаянным смельчаком, а может, и вовсе ощутив себя бессмертным, издал победный клич и сунул острый наконечник копья, целя в живот Вьёрда. Брудвар среагировал мгновенно. Перерубив древко, он тут же ухватил сломанное оружие и дернул его на себя. В глазах здоровяка мелькнула паника. Но он, то ли от природной тупости, то ли оцепенев от страха, а может, все еще чувствуя обманчивую неуязвимость, не выпустил палки из рук и по инерции шагнул к сыну Эрнульфа. Бессмертным он, конечно же, не был. Кулак Брудвара тараном вошел в его лицо, с треском ломая нос и вышибая дух из могучего тела.

– Довольно! – раздался знакомый повелительный голос. Аркалы почтительно расступились, с благоговением глядя на своего беловолосого фэрла. Его поддерживали двое, но Айтул жестом велел им отойти. Теперь он казался Брудвару дряхлым стариком. Лицо рассекли морщины, глаза глубоко впали. Очевидно, сотворенное высосало из него все силы. – Опusti оружие, Брудвар. И ты, – окинул Вьёрда настороженным взглядом, – положи молот.

Сын Эрнульфа воспользовался передышкой, красноречиво сплюнув и промолчав. Он еще не утолил жажду мести.

Вперед вышли пятеро воинов. На их легкие доспехи из кожи и меха крепились железные пластины, усиливая защиту и ничуть не сковывая движения мужчин. Трое держали мечи, двое – топоры.

– Светозарный, – обратился к Айтулу один из них. Судя по твердому взгляду и кривому носу, бывалый воин. – Дай нам шанс, и мы поставим этих глупцов на колени.

Фэрл нехотя кивнул, словно не мог отказать.

– Только аккуратнее, сын убийцы нужен мне живым. На счет второго – как получится.

«Самонадеянно», – подумал наследник трона.

Заняв боевую стойку и посмотрев на Брудвара, воины в недоумении переглянулись: уголки губ их противника были вздернуты в какой-то дикой ухмылке.

Брудвар понял, что Айтул не позволит своим воинам убить его. А это давало ему огромное преимущество. Ведь сын Эрнульфа не собирался сдаваться, а дружинники фэрла понятия не имели, как ярость меняла Брудвара и сколько сил придавал ему гнев.

– Держись ближе, – сказал он Вьёрду и атаковал. Молниеносным, невозможно быстрым ударом снизу-вверх он разрубил голову первого аркала от самой челюсти. Затем, сделав обманный замах, резко рубанул влево, оставив кровавый ро-счерк на шее еще одного противника. Враги еще не поняли,

что умирают, и, выронив оружие, захрипели, удивленно глядя в сапфировые глаза своей смерти.

Обрушив стальную месть на голову очередного врага, Брудвар расколот его череп так легко, словно тот был из яичной скорлупы. На короткий миг его меч застрял где-то посередине плеч трупa. Не останавливаясь, Брудвар ударил тело ногой в живот, со свистом выдернув лезвие и сразу почувствовав на своем лице что-то липкое, вонючее и очень гадкое.

– Мне-то оставь парочку ублюдков, – свирепо рыкнул Вьёрд, проломив молотом грудь одного из аркалов, попытавшегося обойти сына вождя справа.

– Не переживай, здесь на всех хватит, – ответил тот, чувствуя надежное плечо друга. – Добраться бы еще до Айтула, но боюсь... – тут ему пришлось зажмуриться, так как в глаза полетели осколки костей: могучим ударом, способным обрушить крепостные стены, Вьёрд снес голову последнего воина, осмелившегося бросить им открытый вызов.

Несмотря на численное превосходство, аркалы в страхе попятились назад, не решаясь приблизиться к перемазанной кровью и словно обезумевшей двоице, стоящей среди шести трупов и сеющей вокруг себя смерть. Живое кольцо вокруг Брудвара и Вьёрда стало шире, однако некоторые из воинов Айтула занесли копья, готовясь к броску. С десятков аркалов стали раскручивать над головами веревки.

– Стань за мной, быстро! Спина к спине! – отчаянно

крикнул Брудвар, осознавая, что соратника, в отличие от него, ждет неминуемая гибель. – Боком передвигайся, боком, нельзя дать им прицелиться!

– Мне очень жаль, вождь, – обреченно сказал Вьёрд. Огромный и грузный, он неуклюже кружился на одном месте, все равно представляя из себя отличную мишень, – но их слишком много. Постарайся уклоняться от арканов, не пытайся их разрубить...

«Нет... Нет! Нет!!! – отчаянно билось сердце Брудвара, а время будто остановилось. Понимание того, что он с минуты на минуту потеряет вернейшего друга, который не стал бросать его, ввязавшись в заведомо проигрышный бой, причиняло ни с чем не сравнимую боль. Впервые в жизни ему хотелось орать от безысходности. Ведь проведя рядом с бородастым кузнецом столько невероятных дней, частенько ночуя в одной палатке, разделяя пищу и эль, шутки и ругань, женщин и битвы – все прекрасное и дурное, что дарила жизнь, Брудвар полюбил его, как настоящего брата. Затравленно озираясь по сторонам, он уже подумывал опустить меч и сдаться, как вдруг увидел во втором ряду Айтула. Кровавый туман застил глаза, а пальцы до боли сжали рукоять меча. Гнев поглотил все остальные чувства, позволив принять решение, доверившись бешеному порыву.

– Вьёрд, ты видишь фэрла?

– А как же...

– Тогда попытаемся достать гада сейчас, у нас вряд ли бу-

дет иная возможность.

– Как скажешь. – Глядя на острые наконечники копий, воин понимал всю бессмысленность их атаки. Но это было лучшей участью, чем стоять на месте и дать убить себя без боя. – Мужество смерти не боится...

– Держись позади, они не станут рисковать мною... – Как раз в этот момент кто-то пронзительно закричал. Сын Эрнульфа очень живо представил, как его дружинники лежат с переломанными ногами, истекая кровью. Новый приступ ярости охватил воина. Вопреки здравому смыслу и чувству самосохранения, он рванул с места и отвел копьё аркала, заслонявшего собой фэрла, намереваясь вторым движением отправить Айтула к его темным богам.

Острая боль обожгла ребра, а удар не достиг цели.

– Вождь!!! – прогремел Вьёрд, увидев, как в ослепленного гневом Брудвара ткнули копьем. К счастью, удар был нанесен тупым концом. Наученные горьким опытом, аркалы не стали терять времени. Радостно вереща, они бросились на него всей толпой и сбили с ног.

Верный соратник уже не смог прийти на помощь, так как ему самому пришлось отражать новый натиск воодушевленного врага. Понимая, что теперь аркалам ничего не мешает расстрелять его издали, он старался держаться как можно ближе к плотному строю противника. Вьёрд закрутился вокруг себя, как медведь, окруженный лающими охотничьими псами. Со свистом рассекая воздух огромным молотом, ка-

леча и круша черепа, он словно и не замечал всех ран, что успевал наносить противник. Пот и кровь застлали глаза, движения становились все медленнее, дыхание – все более тяжелым, а улюлюканье врагов – громче. Неожиданно оружие выпало из крепких рук изумленного воина – тело сда-лось раньше, чем он рассчитывал.

– Не убивайте это животное, – фэрл остудил аркалов, уже готовых разорвать Вьёрда на части. – Несправедливо лишать наш народ мести. Оставьте его в живых, а остальных, – Айтул указал в сторону каменного завала и с наслаждением, четко и громко вымолвил последнее слово: – Добейте.

Брудвар не мог не услышать страшного приказа. Связан-ный по рукам и ногам, с кляпом во рту, он что-то промычал, но получил в ответ новые тычки и один чувствительный удар в челюсть.

Золотисто-малахитовые, опасные, вселяющие страх же-стокие глаза склонились над ним, и зловещий голос проши-пел:

– Я научу тебя покорности, сын Эрнульфа...

Что-то липкое, вонючее и очень гадкое, уже подмерзаю-щее на лице было последним, что запомнил Брудвар перед тем, как потерять сознание.

* * *

«Где я? Что происходит?» – Брудвар поднял свинцовые

веки и оказался в полнейшей темноте. Он лежал на чем-то неудобном и вдобавок ко всему скрипучем. Крепкие кандалы сдавливали ноги и кисти рук, а глаза, судя по ощущениям, закрывала тугая повязка. Пол под ним дернулся, а тело отозвалось на движение дикой болью. Воин не сдержался, поморщился и выругался. У него было такое чувство, будто по нему как следует потоптался медведь, а под ребро засунули нож.

Шатер, красный камень, Сакгот, камнепад, сражение... К мужчине быстро возвращалась память, отчего саван скорби накрыл его сердце, а мысли обратились к человеку, поступки которого и стали причиной всех бед. «Ну и делов ты наворотил, отец, ничего не скажешь, – разочарованно подумал Брудвар, не зная, кого он сейчас ненавидел сильнее: отца или фэрла. – Сам породил врага, безумца, который одним махом убил всех моих воинов. Лучшего испытания для меня ты бы вряд ли придумал. Сигизмир сейчас наверняка улыбается и гогочет рядом с тобой. Подонок. Что ж, если мне удастся выйти живым из этой передряги и прикончить фэрла, то, надеюсь, после всего этого ты явишься ко мне во сне и скажешь, что я достоин занять трон Скаймонда. Только бы выбраться, только бы выжить...»

Превозмогая боль, Брудвар напряг мышцы и попытался освободить руки. Напрасно. Тело пронзил очередной спазм, заставив его согнуться. Лежа в таком положении, он представил себя со стороны. И то ли от истощения, то ли от осо-

знания безвыходности его положения, на ум пришло сравнение, которое вдруг показалось ему забавным: «Эх, стоит признать, что я сейчас так же беспомощен, как червяк на гранитной плите. Клянусь предками, если выберусь отсюда, то никогда не раздавлю ни одно из этих созданий! Кто бы мог представить, что у меня с ними когда-нибудь возникнут одинаковые проблемы?!»

Возможностей изучать обстановку оставалось немного. Сын Эрнульфа напряг слух и убедился в своих догадках. Фырканье лошадей, тихий вой ветра, глухой стук колес – сомнений быть не могло: Брудвара куда-то везли. «Странно. Зачем Айтулу завязывать мне глаза? Наверняка мы направляемся в Кагым – его вотчину, куда же еще? Там ему будет легче всего обороняться. Ведь как бы силен ни был фэрл, в открытом бою ему не выстоять против всех войск Севера, что бы он ни говорил. Если битва произойдет не в ущелье, – похолодел мужчина. Брудвар надеялся на то, что Озаренные, да и другие шаманы Севера, смогут дать фэрлу достойный отпор. Он старался не думать о том, что, по словам Айтула, темные боги скоро наделают могуществом и шаманов его племени.

Неожиданно совсем близко от пленника кто-то засопел, а затем натужно прокашлялся.

– Вьёрд?! – громко шепнул Брудвар почти утвердительно, радостно, как будто случившееся оказалось лишь ночным кошмаром. В его положении он был рад любому себе-

седнику, а уж тем более – верному соратнику.

В ответ послышался хрип и что-то совершенно невнятное, больше похожее на бормотание пьяницы. Но Брудвар узнал Вьёрда даже с закрытыми глазами. Сбоку раздался непривычно слабый голос:

– Брудвар... Я боялся, что ты погиб. Видел, как они навалились на тебя...

– Не переживай, я удачливый сукин сын. Пока живой. Сам-то цел?

– Да как сказать... Чувствую себя одной громадной шишкой. Но пальцами шевелю – уже прекрасно. Брудвар, тебе что же это, тоже глаза завязали? Я чуть в штаны не наложил – поначалу думал, что вообще ослеп...

– Я тоже. Хорошо хоть рот свободен, с кляпом-то было бы совсем худо.

– Да... Ну и дела. – Вьёрд тяжело вздохнул. – Что будем делать, вождь?

– Ждать, молиться... И вспоминать павших.

Они почтили дружину долгим молчанием.

* * *

В кромешной темноте время ползло со скоростью улитки. Нельзя было разобрать: день сейчас или ночь. Хотя, когда холодало и зубы начинали отплясывать бойкий танец, мужчины соглашались во мнении, что наступала ночь. Очень ред-

ко, но тягостные раздумья все же прерывались скудной кор-
межкой. Кто-то поил их водой и пихал в рот кусок хлеба.
Немного, но достаточно, чтобы не подохнуть с голода.

Брудвару до сих пор было сложно привыкнуть к тому, что
с ним обращаются хуже, чем с бездомной собакой. Поэтому,
когда еду принесли в первый раз, сын Эрнульфа с вызовом
спросил, куда же их все-таки везут, и потребовал разговора
с фэрлом. Схлопотав удар по лицу, он решил больше не ис-
кушать судьбу.

Между тем старые друзья чувствовали, как меняется до-
рога, по которой движется войско фэрла. Повозка катилась
с явным уклоном, а воздух стал таким свежим, что от него с
непривычки начала кружиться голова. Время от времени оба
слышали приятный шум водопадов и крики орлов. Не оста-
валось сомнений в том, что их везли куда-то вглубь гор. Кро-
ме того, у пленников возникло стойкое ощущение, что часть
дороги шла напрямиком через пещеры или тоннели. В такие
моменты становилось непривычно тихо, а в голову упорно
лезли совсем уж гнетущие мысли. Копыта лошадей стучали
по чему-то твердому, уши отчетливо различали эхо редкой
капели и далекое завывание ветра.

Все это сильно тревожило Брудвара – он знал, что путь
в Кагым пролегал через равнинную местность и леса, да и
сама столица аркалов располагалась не у гор. Сын Эрнуль-
фа начал серьезно опасаться, гадая, сможет ли вообще най-
ти его войско Фронсуда. Разгадать планы Айтула оказалось

намного сложнее, чем он предполагал.

Долгая пытка неизвестностью и временем закончилась, когда Брудвар и Вьёрд услышали эхо радостных криков и ликующих голосов. Сначала далеко, затем все ближе и ближе... Наконец телега остановилась. С ног пленников сняли кандалы. Шатающихся от слабости воинов согнали с повозки, а затем и развязали повязки, мешавшие видеть.

Невозможно яркий, режущий глаза, кристально чистый белый свет ослепил Брудвара и Вьёрда. Взор упирался в величественные горы. Их белоснежные шапки пронзали безоблачное голубое небо, на котором лучилось и сияло оранжевое солнце. Мужчины замерли, не в силах идти вперед, стараясь прикрыть лица руками. Рядом громко смеялись, но никто, стоит отдать им должное, не торопил их и не отвешивал тычки.

Постепенно зрение возвращалось к воинам. Сын Эрнульфа прищурился и оценил обстановку. Как и следовало ожидать, его окружали аркалы. Люди деловито разгружали вещи, кто-то обнимался со своей семьей, а дети, коих здесь было на удивление много, с интересом глядели на него и показывали пальцами.

«Да уж, не похож я на наследника трона Скаймонда. Выгляжу, наверное, ничуть не лучше жалкого бродяги или разбойника, которого привезли на казнь».

Насмешки ребятишек хоть и задевали самолюбие Брудвара, но волновали его в самую последнюю очередь. Все его

мысли занимал поиск ответа на вопрос: куда же он попал?

– Пошел! – приказали ему, толкнув в спину. Переглянувшись с Вьёрдом, выглядящим от побоев таким опухшим, будто его покусали осы, Брудвар подчинился.

По пути он смог хорошенько рассмотреть таинственное поселение. Оно раскинулось в просторной долине, отрезанной от остального мира неприступными горными хребтами. «Как же мы добрались сюда? Неужто и впрямь прошли сквозь скалы?» – не веря в это, Брудвар оглянулся и обомлел – позади виднелись крутые подошвы гор.

Длинные жилища из бревен и камня с низкой крышей не были защищены хоть какой-нибудь стеной. Очевидно, никто здесь и не думал о том, что на это место могут напасть, хотя домов было очень и очень много. Еще только сойдя с повозки, Брудвар заметил среди них какое-то странное сооружение, издали напоминающее башню. Оказавшись ближе и увидев постройку, он не смог сдержать эмоций: «Пусть меня ударит молния! Вот это да!» – исполинская статуя Айтула, раскинувшего руки в стороны и устремившего взгляд в небо, поражала воображение. Скульпторы аркалов постарались на славу, сумев оживить камень и передать своему творению все черты фэрла. Позади же самой статуи раскинулся внушительный фундамент какого-то здания. Судя по его площади и количеству людей, корпевших над постройкой, оно обещало стать не менее величественным, чем изваяние Айтула.

«А его здесь по-настоящему любят. Эти люди выглядят такими счастливыми... Непохоже, чтобы Айтул правил, опираясь на страх перед своей силой. Похоже, аркалы на самом деле считают его своим освободителем. Интересно, куда он пропал? Не слышал и не видел его с того боя...»

Сына Эрнульфа привели в маленькую комнатку, полностью лишенную мебели. Единственным предметом интерьера был высокий столб в углу, подпирающий крышу. Рядом с ним лежала солома и стояло деревянное ведро. Когда конвоиры подошли к нему с ошейником, показная покорность Брудвара испарилась. В самом деле, не мог же наследник трона Скаймонда так просто позволить заковать себя, будто раба? Одного он боднул в челюсть, второго со всей дурью пнул в промежность, а третьего подсек ловкой подножкой и наступил на кадык, сломав горло. На крики тут же прибежала орава обозленных воинов. Общими усилиями при активной помощи кулаков и дубинок им удалось посадить сына Эрнульфа на цепь. Валяясь в собственной крови, задыхаясь, он все же выдохнул:

– Где мой друг? Где Вьёрд? Дайте мне поговорить с фэрлом Айтулом!

Громко захлопнулась дверь, шелкнул железный засов. Ему никто не ответил.

Глава 6

Пленник

Время вновь потянулось ужасающе медленно. Но помимо саднящих ран, Брудвара грызла свора тяжелейших мыслей. Раздумывая над словами Айтула о мести, он гадал, какая участь ждет его друга? Брудвар безуспешно старался выкинуть из головы образ освежеванного трупа, увиденного им в деревне. Думал он и о своей семье. Каково им будет узнать о его смерти? Особенно матери, совсем недавно потерявшей сразу мужа и старшего сына. Еще сын Эрнульфа страшно беспокоился о судьбе войска, которое шло следом за его дружиной. Хоть его и возглавлял опытнейший Фронсуд, но даже он ничего не смог бы сделать, угодив в смертельную ловушку Айтула. Брудвар начинал догадываться о причинах отсутствия фэрла, и это приводило его в настоящий ужас. И только во сне тягостные мысли на время оставляли его...

Беспокойный сон нарушил тихий скрип двери. Брудвар ожидал увидеть очередного грубого тюремщика, который напоил бы его и, возможно, угостил бы пинком. Каково же было удивление пленника, когда в комнату робко вошла девушка. Да еще какая! Густые огненно-рыжие волосы каскадом спускались на шею и двумя янтарными прядями ниспадали на груди, едва прикрывая их манящие овалы. На гладком девичьем лице под изящными дугами тонких бровей

блестели карие глаза с пышными ресницами, подчеркнутые снизу тонкими татуировками в виде перевернутого полумесяца.

Сын Эрнульфа, не отрывая от нее изумленного взгляда, сел и расправил плечи, со всем достоинством, которое смог сохранить, смахнул с одежды солому. Неожиданно для себя он потупил взор и залился краской. Ведь, надо признать, таких красавиц он еще не встречал. Брудвар не сразу заметил, что девушка принесла бадью с водой и тряпки. Плотнo сжимая губы и стараясь не смотреть на пленника, она присела возле него и начала полоскать холстину. Мужчина почуял ее запах. Медовый, свежий, с легким ароматом луговых трав, который хотелось вдыхать полной грудью...

Не говоря ни слова, сковав Брудвара своим очарованием, девушка вытащила из кармана платья нож. Поддев лезвием рубашку пленника, разрешила ее напополам, оставив воина с голым торсом. Он не сопротивлялся, но ему вдруг сильно захотелось пить. Совсем как в те далекие времена, когда он юнцом случайно подсмотрел, как в озере купалась юная незнакомка.

Девушка принялась тереть мокрой тряпкой его лицо, шею, плечи, грудь, живот, спину. В ней не было ни капли страха. Она все делала не спеша, однако для Брудвара это время превратилось в скакуна и пролетело незаметно. Закончив обтирать воина, рыжая красавица достала какой-то порошок и присыпала им раны. Брудвар чуть скривился, ко-

гда она коснулась ребер. Наложив повязки из чистой ткани, девушка отошла чуть в сторону, собираясь удалиться.

– Кто ты? Как тебя зовут? – прошептал, наконец, Брудвар.

Девушка не ответила, а он так и не смог понять, о чем же именно говорили ее бездонные глаза. Ему показалось, что она посмотрела на него с каким-то осуждением и даже вызовом, будто он должен знать. Но Брудвар был уверен, что, если бы он встречал ее раньше, точно запомнил бы, да и не нашлось бы человека, который, увидев ее, смог бы забыть.

Так и не раскрыв тайны своего имени, она собрала вещи и поспешно ушла. Какое-то время в комнате еще витал аромат меда и луговых трав. И эти запахи пробуждали светлые воспоминания о лете и... юности. Казалось, тогда он был выше, сильнее, быстрее и, вне всяких сомнений, куда безрасуднее. Это было то беззаботное время, когда он, лазая по деревьям, мог запросто представить себя опытным солбьергом, тем, кто оседлал волны, поднялся на мачту собственного корабля и плывет к неведомым берегам. То была пора, когда кулачный бой с другими мальчишками представлялся вопросом жизни и смерти, а выходя из него победителем Брудвар ощущал себя так, будто стал вождем всего мира. Воин с легкой грустью понял, что с годами стал мечтать намного реже. Однако незнакомка оживила в его груди и еще одно воспоминание, а точнее – чувство. Оно было известно мужчинам всех возрастов и характеров. Брудвар впервые испытал его, когда ему было одиннадцать. В тот день он выиг-

рал поединок на деревянных мечях, одолев настоящего дикаря из племени ульфскроггеров. Парень был настоящим задирой и никогда не упускал возможности побить слабых. Превосходя других детей ростом, шириной плеч, по-садистски жестокий, он был настоящей напастью для ребятишек Скаймонда. Однако в тот день Брудвар уложил его на лопатки, попутно выбив пару зубов и сломав ребро, после чего тот начал обходить сына Эрнульфа и его компанию стороной.

И вот после того, как юный Брудвар пришел в себя и осмотрелся по сторонам, он увидел среди торжествующих и благодарных взглядов застенчивый взор одной девочки. Она нравилась ему давно, но что-то всегда мешало ему приблизиться к ней, какая-то сила лишала его дара речи, строила перед ним невидимый барьер и путала мысли. Но в тот день девочка смотрела на него как на героя, приветливо улыбаясь. И от этого чистого взгляда, ее чудесной улыбки сердце забилося так часто, что чуть не выпрыгнуло из груди. Он словно научился летать. Ему показалось, что если б в тот миг она попросила достать с неба звезду и подарить ей, то он, конечно же, легко сделал бы это, в придачу украв с небосвода и луну вместе с солнцем. Тогда Брудвар совершил личный подвиг и, наконец, подошел к ней. Было лето. Они гуляли по цветущим полям...

Девушка приходила к нему каждый день. От одного ее присутствия бесконечные мысли об Айтуле и его планах,

страх, тревога и беспокойство разбегались как тараканы и прятались по темным углам комнаты. Она тихо меняла повязки, обрабатывала раны и все так же молчала. Ничего не менялось. Не раз он пытался заговорить с ней, но безуспешно. Брудвар гадал, почему и зачем дева заботится о нем и кто ее послал. Она же, безусловно, знала, кем является узник, а потому у пленника возникло страстное желание хоть как-то объясниться, дать ей понять, что даже между соколом и горным козлом больше общего, чем между ним и его отцом. Отчего-то сердце воина колола мысль о том, что девушка могла подумать о нем плохо и несправедливо винить во всех бедах ее племени.

Доверившись порыву, на пятый день он рассказал ей все, начиная с того момента, как увидел гонца, и заканчивая тем, как оказался в цепях.

– Я не хочу войны. Не хочу... Но твой фэрл безумен и очень опасен. Теперь я это понимаю... – такими словами Брудвар окончил свой монолог.

Девушка кивнула, показав, что все поняла. В ее глазах появилась странная печаль и – Брудвар не был в этом уверен – жалость. Еще ему показалось, что ее прикосновения стали чуть мягче и нежнее.

Воин не стал делиться с ней своими догадками, он просто держал рот закрытым и любовался ее красотой. В такие моменты Брудвар не задумывался, что будет дальше и зачем его лечат. Порой он даже ловил себя на том, что он рад ока-

заться в плену.

* * *

Минуло десять ночей с того момента, как его привезли в поселение. Брудвар успел окрепнуть, но по-прежнему находился в полном неведении относительно судьбы Вьёрда. Сын Эрнульфа утешал себя тем, что ни разу не слышал криков, свидетельствующих о жертвоприношении или казни своего друга. Об Айтуле тоже ничего не было известно: немногословный тюремщик все так же отвечал на вопросы пинками.

Между короткими приходами девушки неизвестность медленно сводила Брудвара с ума. Выжил ли кто из дружины? Что стало с войском Фронсуда, которое шло по пятам? Знают ли в Скаймонде о его пленении? И – самое главное – что сейчас делает мятежный фэрл и весь его проклятый свальд? Сын Эрнульфа ломал голову в очередных предположениях, уже обдумывая план побега, когда фэрл, наконец, почтил его своим присутствием.

Первым в комнату вошел уже знакомый надзиратель, чье квадратное лицо смотрело на Брудвара как никогда убийственно враждебно. Он закрепил на стене факел, сильно, со знанием дела подергал цепь, проверив ее надежность, и покинул узника. Затем, к его великому удивлению и странной радости, в дверном проеме появился сам Айтул. Пригнув голову, фэрл переступил порог и выпрямился. Серые волосы

мужчины были собраны в конский хвост, перевязанный кожаной лентой. Бледное, но вновь помолодевшее лицо осунулось и стало острее, усиливая сходство с орлом, готовым вонзить когти и разорвать добычу. Изумрудные глаза, очерченные татуировками, источали угрозу. Тяжелая накидка из белого меха придавала его сухощавой фигуре некую величественность. Покоясь на плечах и прикрывая грудь в области сердца, она крепилась массивной застежкой в виде переплетенных когтей птиц. Под мехом обращала на себя внимание черная шерстяная туника, на которой серебряной нитью был вышит странный символ. Рисунок представлял собой круг, из которого торчали девять кривых отростков, напоминавших Брудвару скользкие щупальца осьминога. В центре была изображена неизвестная руна, похожая на крест с тремя поперечинами, сужающийся кверху. Неожиданно рисунок ожил и завертелся колесом. В висках сына Эрнульфа застучало, его начало мутить, а тело онемело от внезапного, липкого и непонятного страха. У него возникло ощущение, что с одежд Айтула на него смотрят существа из Скракрунда – ледяной бездны, где обитали ужасный Ярдук и самые злобные духи Севера. Не менее холодный голос фэрла рассеял мираж.

– Что с тобой, сын Эрнульфа? Тебе нездоровится?

– Все в порядке, – с усилием выдохнул тот. – Необычный символ ты носишь на груди. Не встречал его раньше. Интересно знать, что же он означает?

– Ах, это... Знак Древних. Знак Девяти – новых покровителей аркалов. Быть может, и ты когда-нибудь украсишь им свои одежды.

– Нет, Айтул, уж этому точно не бывать. Я верю, что мудрость твоих предков скоро заставит тебя понять, какую ошибку ты совершил.

– Брудвар, – поморщился Айтул, – смени этот укоризненный тон. Нравоучения тебе не к лицу. Я пришел обсудить вопросы, по которым мы еще можем прийти к согласию.

Только сейчас Брудвар заметил, что за маской властности Айтул старательно скрывал истинные эмоции: он нервничал и явно торопился что-то сказать.

– Мы вновь обсудим вопросы войны и мира. Хотя ты и ответил мне отказом, но, я надеюсь, заключение пошло тебе на пользу, и за это время ты хорошо подумал над моими словами. К тому же у меня есть свежие вести. Надеюсь, они образумят тебя.

«Странно, почему Айтулу так важно договориться со мной? Он ведь обладает такой мощью и не боится войны со всем Севером. Чего он хочет добиться на самом деле? Ведь он должен понимать, что я не освобожу его от клятв». – Брудвар не сомневался, что в противном случае многие племена потребуют того же. И наследие его предков разлетится на куски.

– Что ж, говори, – предчувствуя беду, как можно безразличнее проговорил сын Эрнульфа.

Айтул подошел так близко, что воин ощутил его кислое дыхание. Брудвар увидел перед собой немигающий взгляд змеи.

– Войско, которое шло следом за тобой, погибло, – без намека на улыбку произнес фэрл. – Ты думал, я не узнаю? Ты сильно ошибался. Я остался ждать Фронсуда в ущелье, а затем обрушил на его армию мощь гор. Я в одиночку сразил знаменитого Ледяного Кулака и половину Избранной Тысячи.

– И после этого ты снова предлагаешь мне мир? – безжизненным голосом проговорил Брудвар. Услышанное опустошило сына Эрнульфа. Произошло то, чего он так боялся: Фронсуд угодил в ту же западню, что и его дружина. И если Айтул пошел на такой шаг, то призывать его к покорности и запугивать кровавой мезьей становилось бессмысленным. Ноющая боль внутри и очередная волна ненависти твердили Брудвару об обратном, но воин взял эмоции под железный контроль: пришла пора всерьез обсудить предложение фэрла и попутно думать о том, как перехитрить его. Стало очевидным, что его упорство вело в тупик и не смогло бы изменить планов Айтула. Однако было бы странным, если бы Брудвар никак не отреагировал на скорбные известия. Вернуться к переговорам он мог бы в любой момент, поэтому сын Эрнульфа решил сыграть в игру, в которой ему отводилась роль упертого барана, бездумно блеющего на занесенный над ним нож.

– Эргунсвальд не простит тебе этого преступления, – Брудвар придал голосу показную строгость. – Твое падение неизбежно, это лишь дело времени. Ты зашел слишком далеко, подставив под удар весь свой свальд. Подумай, что станет с твоим народом, когда ты умрешь. Возможно, забавы моего отца покажутся аркалам детскими играми, по сравнению с тем, что может их ожидать.

Упоминание бесчинств убитого вождя распалило искры в глазах Айтула. Невидимая удавка сжала горло Брудвара, но прежде, чем его руки потянулись к шее, силки исчезли.

– Мне плевать на гнев Скаймонда и всех остальных племен. На стороне аркалов сама природа и благословение древних, истинных богов. Если придется, то мы будем сражаться там, где нам удобно, там, где я и шаманы сможем показать всю свою мощь. Скоро все фэрлы узнают, что Ледяной Кулак повержен, а наследник трона в плену. А нам с тобой хорошо известно, что Север всегда признавал только силу. – Айтул сделал паузу, издевательски ухмыльнувшись. – Как думаешь, многие ли фэрлы останутся верны трону Скаймонда, когда я начну обращать их армии в пепел?

Брудвар начал понимать, что попал в пасть настоящего волка, который, почуяв запах крови, уже не разожмет смертельной хватки.

– Один человек не может выиграть войну, каким бы сильным он ни был.

– Неужели? А разве гибель твоей дружины и половины ва-

шей хваленой Избранной Тысячи не опровергает это утверждение? Да, один человек не способен победить весь Север, но может стать той силой, которая, подобно булыжнику, летящему со склона, станет причиной разрушительной лавины, сметающей все на своем пути... – в голосе Айтула слышался грохот камнепада. – Я убил Фронсуда и его армию не затем, чтобы отомстить или причинить тебе боль. Поверь, мне не доставляет удовольствия убивать или мучить людей, хотя в отношении вас, скордвегов, у меня есть полное право на это. Я сделал это для того, чтобы ты осознал, к чему может привести наше противостояние.

Да, жертв не избежать в любой войне. Каждый человек из моего племени будет сражаться за свою свободу до последнего вдоха, но мне дорога жизнь каждого аркала. Я не хочу, чтобы они гибли из-за твоей гордыни. Потому я вновь взываю к твоему благоразумию. Пойми, что иногда лучше вовремя отступить, чем потерять все. Но если же ты откажешь мне и сегодня, то знай: мы отвоюем свободу кровью.

– Что ж, – протянул Брудвар и смерил Айтула оценивающим взглядом. У него отпали последние сомнения в том, что ради своих целей фэрл усеет трупами весь Эргунсвальд. Оставлять его в живых было нельзя. Но чтобы навсегда успокоить Айтула, сам Брудвар должен был обрести свободу. В его голове родился план.

– Видимо, раз другого выхода нет, то нам придется говорить о мире.

– О мире на моих условиях, – поправил его фэрл.

– Да, – устало выдохнул пленник, – на твоих. Я не хочу, чтобы Эргунсвальд погрузился в хаос. В конце концов, союз сможет прожить и без аркалов.

Внутренний голос нашептывал совсем иные слова. Он говорил ему правду: сыну Эрнульфа никогда бы не удалось стать великим вождем, если бы он начал правление с того, что пошел бы на поводу у фэрла, лишившего жизни его отца и отринувшего Предков. Осознавал он и то, что, если бы отпустил один свальд, фэрлы, без сомнений, восприняли бы это как проявление слабости, и весь союз распался бы. Брудвар был уверен, что это понимал и Айтул. А это означало, что мир фэрлу был не нужен. Но тогда что же? «Возможно, таким образом он хочет выгадать себе время? Для чего?»

Брудвар продолжил игру:

– Но мне нужны гарантии того, что ты не нападешь на другие свальды. Ты ведь и сам не знаешь пределов своей силы. Да и я не могу знать, что тебе будут шептать боги. Вдруг они захотят принести в жертву весь остальной Север?

– Мы скрепим новый мир клятвами. И, если пожелаешь, можешь взять себе мою любимую наложницу. Вы уже знакомы, и мне кажется, что она пришлась тебе по вкусу.

– Твоя наложница? – изумленно и растерянно пробормотал Брудвар. Ничто во внешности девушки не указывало на то, что ее свобода принадлежала Айтулу.

– Да. Мою красавицу зовут Нарьяна. Не удивляйся ее мол-

чанию, насколько я знаю, она нема с рождения.

– И что же она натворила? Почему ты решил сделать ее рабыней? – как можно безразличнее спросил Брудвар.

Айтул тихо рассмеялся.

– Ты, видно, плохо знаешь наши обычаи. Да и откуда тебе их знать? Ни один аркал не сделает раба из своего соплеменника, – в его голосе прозвучала гордость. – Тех, кого аркалы используют в этой роли, отмечают особыми знаками. Видел полумесяцы вокруг ее глаз?

Брудвар видел.

– То-то же. Она родом из Империи. Давно, наверное, больше десяти лет назад, я купил ее на рынке Скаймонда. Девочка уже тогда была приметной. Помню, торги разгорелись нешуточные, но мою цену никто не смог перебить. Я дал ей новое имя и со временем принял в свою семью. И знаешь, я ни разу не пожалел, что купил ее. Тихая, послушная и весьма способная девушка. Она точно не разочарует тебя. Особенно в постели.

Брудвар задумался, опустив голову. Айтул верно подметил, что рыжеволосая наложница сумела завладеть мыслями сына Эрнульфа. Вот только этого было явно недостаточно, чтобы переубедить Брудвара и заставить его забыть об угрозах фэрла. Вопреки внутренним суждениям, пленник тяжело вздохнул и посмотрел в глаза Айтула, стараясь походить на человека, полностью смирившегося со своей судьбой.

– Пусть будет так, как ты предлагаешь. Я, сын Эрнульфа,

вождя Эргунсвальда, наследник трона Скаймонда, освобождаю тебя от всех клятв, данных моему отцу перед лицом людей и Предков. Никто не посмеет посягать на земли аркалов и мстить за убитых тобою воинов.

При этих словах внутри сына Эрнульфа будто что-то дрогнуло и сломалось. Словно фляга с горьким настоем лопнула и разлилась по телу, подобравшись к горлу. Даже своим врагам он никогда не врал в лицо. В том не было нужды, ведь его всегда боялись именно за то, что он открыто обещал сделать со своими противниками, когда давал тем выбор. Весь Эргунсвальд знал, что Брудвар умеет держать свое слово, бывшее крепче стали. И несмотря на то, что перед ним стоял безумец, который грозил опустошительной войной, лгать ему о мире оказалось непросто. Но иных путей повернуть ситуацию в свою сторону и освободиться из плена Брудвар не видел. Оказавшись на свободе, он рассчитывал обратиться за помощью к Озаренным, чья мудрость смогла бы вооружить его и подготовить к последней битве против Айтула.

Между тем улыбка фэрла стала шире, а с его лица исчезло напряжение. «Айтул заглотил наживку!» – обрадовался Брудвар.

– Отлично! Очень хорошо! Прекрасно! – Айтул похлопал его по плечу. – Ты сделал мудрый и правильный выбор, сын Эрнульфа. Я очень надеюсь, что твои намерения честны, поэтому уверен, что тебя не затруднит повторить эту клятву перед свидетелями со всего Эргунсвальда.

– Что ты имеешь в виду? – с легкой тревогой спросил тот.

– Видишь ли, так уж сложилась моя жизнь, что скорее солнце взойдет ночью, а луна днем, чем я снова поверю обещаниям вождей. Тем более обещаниям, которые они дают не прилюдно. Но я думаю, что честолюбие и гордость не позволят тебе принести ложные клятвы на глазах у всего Севера. От такого позора тебе потом не отмыться. Если ты нарушишь слово, данное перед свальдом аркалов – потеряешь его уважение навсегда. Солжешь перед всем Эргунсвальдом – лишишься трона, навеки став изгоем и самым презираемым вождем в истории. – Айтул ненадолго замолчал, позволяя своему пленнику обдумать услышанное, а дождавшись ответного кивка, продолжил:

– Через несколько дней сюда придут хэрдинги и шаманы со всего свальда. Перед ними мы и озвучим нашу договоренность: от своего имени и всех своих потомков ты объявишь о том, что аркалы свободны, а их границы неприкосновенны для всех племен. Я же выступлю с ответной речью. Пока же будет разумным отправить гонца в Скаймонд и предостеречь валькюну от поспешных действий. Ну а потом после того, как мой народ услышит твои слова, мы соберем фэрлов и старейшин со всего Эргунсвальда и скрепим наши клятвы рунами в их присутствии.

В животе у Брудвара кто-то провернул нож. Капкан хлопнулся, и воин понял, что сам попал в ловушку хитрого фэрла. И как только он не почувствовал подвоха раньше!

Айтул был совершенно прав: Брудвар лучше умрет, чем станет давать подобные клятвы на глазах старейшин, хэрдингов и фэрлов. Но что же ему делать? Отказаться от слов, обнажив обман, или же сохранить спокойствие и следовать плану, получив еще пару дней для раздумий?

– Так что скажешь? Я в тебе ошибался? – наклонил голову фэрл.

– Вовсе нет, – взял себя в руки Брудвар. – Это справедливые условия, я понимаю, почему ты хочешь, чтобы все произошло именно таким образом. А потому я согласен с ними.

Фэрл пристально посмотрел на него, пытаясь понять, какие чувства и мысли на самом деле скрывает сапфир его глаз. Но, как и многим до него, ему не удалось разгадать истинных помыслов Брудвара. Сын Эрнульфа не собирался ни давать свободу аркалам, ни становиться клятвопреступником. Вместо требуемой Айтулом клятвы он произнесет совсем иную речь, приложив все усилия для того, чтобы убедить людей Айтула в своей правоте. Да, это сулило ему скорую смерть, но пока он был жив, в его груди теплилась надежда. А ее не в силах отобрать никакие боги.

– Надеюсь, ты будешь верен своим обещаниям и клятвам. Ну а пока скрепим наши договоренности элем и хлебом. – Айтул отдал соответствующие распоряжения. Охранник втащил широкий табурет, на котором лежала аппетитная снедь: вяленые бараньи ножки, копченая рыба, сыр и хлеб с большим кувшином. От вида еды живот сына Эрнульфа заурчал,

а сам он, если б остался один, непременно бы набросился на нее, будто дикий зверь. От мерзкой похлебки, которую ему давали два раза в день, и черствых сухарей уже тошнило.

– Выпьем за новый мир? – добродушно сказал фэрл, наполняя большой рог напитком.

– Выпьем, – в тон ответил пленник.

Айтул отпил половину, а затем передал сосуд Брудвару.

– За новый мир.

Больше всего на свете Брудвару хотелось разбить этот рог об голову фэрла или вонзить его тому в шею, но вместо этого он выдавил из себя улыбку и осушил рог.

– Наслаждайся едой, сын Эрнульфа, а после – напиши своей матери о наших планах, тебе принесут все необходимое. Я отправлю птицу в Скаймонд завтра на рассвете.

Наверное, фэрл успел заметить, как после его слов мрачная тень пробежала по лицу Брудвара, а потому перед уходом он жестко добавил:

– Если выкинешь что или передумаешь, то сначала кожу сдерут с твоего друга, а потом и с тебя самого. Испытаешь такую боль – камни взвоют. Не думай, что ты настолько ценный пленник, что я не решусь на это. Твоя смерть ослабит Север, а если повезет, то между твоими сыновьями вспыхнет борьба за ваш никчемный трон.

Хлопнула дверь, и Брудвар остался в одиночестве. Пленник сел, облокотившись спиной на стену и обхватив руками голову. Он был в отчаянии.

Брудвар потерял возможность спать. Закрывая глаза, он представлял, как, истекая кровью, от невыносимых мук истошно кричит Вьёрд. Как сгорают заживо воины Севера, а пепел их тел покрывает снежную белизну горных склонов. Как смеются злые боги, требующие человеческих жертв. Как садится на трон Скаймонда человек с желто-зелеными глазами...

Скрипя зубами, он признал, что вероятность его спасения призрачна. И за этим горьким осознанием пришли щемящие сердце воспоминания о семье. О жене Аструд. Когда-то им было так хорошо вдвоем, но от любви осталось лишь чувство благодарности за детей. Брудвар не смог простить ей измены. Возможно, следовало бы...

О его гордости – сыновьях. Красавцах – близнецах Гутлайфе и Хагуне, младшем – Омунде, которого видел так непростительно мало.

Как сложится их жизнь? Какими они вырастут? Кем станут? И самое главное, не разрушит ли братскую любовь борьба за трон, когда сыновья поймут, что их отец больше не вернется?

До этого плена Брудвар знал лишь одну боль – физическую. Теперь же он признал, что муки сердца и разума намного страшнее любых увечий.

Еще он думал о Нарьяне, и мысли эти волновали его сердце особенным образом. Увидит ли он ее снова и вдохнет ли ее сладкий летний запах еще раз? Заботилась ли она о нем лишь по указке Айтула, либо ей двигали иные чувства? Будет ли горевать о нем?

Поток невеселых мыслей прервал звук отпирающейся двери.

«Ну и кто же надумал прийти ко мне в столь поздний час? Нарьяна?» – Брудвар привстал.

Бесшумно, словно и вовсе не касаясь пола, к нему подплыла стройная фигура в плаще. Под капюшоном скрывалось подозрительно знакомое лицо белокурой женщины. Татуировки – тени вокруг глаз не смогли одурачить сына Эрнульфа.

– Грайдис?! – опешил Брудвар, радуясь, что еще один человек из его дружины смог уцелеть. – Но как?..

– Тс-с! – разведчица приложила пальцы к губам. – Нам надо спешить, поговорим после, – с этими словами она достала отмычку. Ловко орудуя инструментом, она быстро управилась с ненавистным ошейником.

Напоминая хищника, оказавшегося на свободе, Брудвар с удовольствием потер шею и размял кулаки.

– Идем! – шепнула Грайдис.

В прихожей ждала Хунна – одна из разведчиц дружины, чьи глаза тоже были окаймлены узорами, а также – два мертвых стражника. Переступив тела надзирателей, Брудвар снял

с одного из них куртку и позаимствовал шипастую дубинку, сразу почувствовав себя намного увереннее.

– Мы должны освободить Вьёрда, – решительно сказал он.

– Извини, вождь, но это глупая затея. Мы и так в большой опасности, нас могут обнаружить в любой момент, а он лишь замедлит наш побег. Его тоже охраняют и... – Грайдис сглотнула, – я не думаю, что он вообще в состоянии ходить, – она глянула на Хунну.

Разведчица кивнула.

– Ты видела его?

– Да.

– Покажи, где его держат, без него я не уйду. Если ему не подрезали жилы, то Вьёрд справится. Ты плохо его знаешь.

Грайдис понимала, что спорить с Брудваром было пустой тратой времени – он никогда не бросал своих людей на произвол судьбы.

– Хорошо, – сдалась она, – пусть будет по-твоему.

Выскользнув наружу, они тут же растворились в ночной темноте.

Прячась за фасадами домов, Грайдис привела Брудвара к небольшому пустырю. В его центре росло низкое дерево с широкими раскидистыми ветвями. На одной из них, едва касаясь земли, висела деревянная клеть. К их радости, ее охранял всего один воин. Аркал сидел на куске бревна, привалившись спиной к дереву, и точил топор.

Сердце Брудвара сжалось, когда он увидел соратника. Да-

же отсюда было видно, что одежда Вьёрда превратилась в кровавые лохмотья, да и сам он выглядел неимоверно скверно: судя по всему, многие жители считали своим долгом кинуть в него камень или кольнуть чем-нибудь острым.

Устранить охранника взялась Грайдис. На открытом пространстве подобраться к воину втроем, не вызвав шума, было рискованной затеей. Брудвар по понятным причинам идти в атаку не мог. Хунна и Грайдис подходили для этой задачи как нельзя лучше. Однако щеку Хунны уродовали свежие раны, полученные после рокового обвала. Это могло вызвать ненужные подозрения. Грайдис же, при должном желании, могла одурачить кого угодно.

Разведчица направилась к часовому, слегка пошатываясь и одновременно маняще виляя бедрами. В руках она несла раздобытый по дороге мех с вином. Лукавая улыбка блуждала на лице Грайдис, обещая воину нескучную ночь. Тот неуверенно привстал, заметив незнакомку.

Брудвар и Хунна остались ждать на месте, пока не увидели, как после страстного поцелуя Березка хладнокровно всадила нож в шею мужчины и, зажав ему рот, прислонила тело к бревну.

Кузнец не сразу откликнулся на тихий зов друзей. Брудвар уже подумал о худшем, но бородач вздрогнул и открыл один глаз, второй закрывал огромный синяк в поллица. Если он и был удивлен, то не подал виду. Вместо приветствий Вьёрд взял прутья решетки и красноречиво дернул

их на себя.

– Чего так пялитесь? – грубовато спросил он громким шепотом. – Так плохо выгляжу?

– Нет, просто непривычно видеть тебя худым, – отшутился сын Эрнульфа.

– Слабый брюхом, да сильный духом, – натужно улыбнулся мужчина.

– Вот теперь узнаю нашего Вьёрда, – радостно прошептал Брудвар.

Грайдис потребовалась минута, чтобы открыть замок. Корчась от боли и опираясь на плечо Брудвара, пленник вылез из клетки. Оказавшись на воле, он зашатался и чуть не упал.

– Идти можешь? – тревожно спросила женщина, нервно смотря по сторонам: четверка была как на ладони.

Вьёрд нахмурился, сжал зубы и дал знак Брудвару отступить.

– Да, – хмуро произнес он, все еще качаясь. – Давайте поскорее свалим отсюда.

Облегченно выдохнув, Грайдис жестом попросила мужчин следовать за ней. Однако Вьёрд явно переоценил свои силы.

– Не отставай! – умоляюще попросила разведчица, перейдя на бег. – Нам нужно добраться до окраины, я привела лошадей.

Несмотря на холод и пронизывающий ветер, гулявший

среди домов, Вьёрд обливался потом. Воин был так изможден, что еле переставлял ноги и дышал с огромным трудом. Не выдержав темпа, он рухнул лицом вниз. Израненное тело обжег ледяной снег.

– Не ждите меня, – прохрипел бородач. – Я догоню...

Брудвар подбежал к соратнику:

– Друга преданность без беды не узнаешь. Не забыл эту мудрость? – Скрипя зубами он поднял Вьёрда, закинув его руку на свое плечо. – Ну уж нет, – жилы на шее Брудвара вздулись. – Больше никакого плена!

Слева к Вьёрду подскочила Хунна, и они вдвоем потащили кузнеца.

Похоже, удача была на стороне беглецов, и все жители поселения крепко спали. Очевидно, местные даже и не помышляли о том, что на них может кто-нибудь напасть. Поэтому как это ни удивительно, но четверка, так и не встретив какой-либо стражи, благополучно миновала последний дом.

– Еще немного, еще чуть-чуть. – Грайдис вела их в небольшую рощу, черневшую впереди. Послышалось тихое ржание коней. Брудвар так обрадовался, что тут же рассмеялся во весь голос. Вьёрд, словно отпив живительного отвара, сразу окреп, прибавил шаг и широко улыбнулся:

– Березка, умница ты наша, дай-ка я тебя расцелую!

– Еще успеешь, – кокетливо подмигнула та.

В невысоком, но густом ельнике Грайдис припрятала трех гнедых кобылиц и крупного каурого мерина. Животные явно

нервничали, фыркая и недовольно цокая копытами. Ночной ветер кружил над верхушками деревьев, с недобрый скрипом раскачивая их. Ветви пихт и елей словно недовольно шептались, отряхиваясь от снега. Их тихий разговор показался Брудвару враждебным, ему захотелось покинуть это место как можно скорее.

– Грайдис, и куда мы направимся? – спросил он.

– В горы и пещеры под ними. Я знаю лишь один путь, ведущий в эту долину. Через него вас сюда и привезли.

– Как же ты нашла его?

– Расскажу, когда доберемся до места. А сейчас нужно торопиться.

Несмотря на угрозу погони и тревогу, свобода опьяняла Брудвара. Он будто бы заново познал ее вкус. В небе застыл тонкий полумесяц, чей свет, отражаясь от гигантских горных глыб, окружавших долину, разливался по ней бледной желтизной. Над головой воина блестел яркий ковер из тысяч звезд. Они нависали так низко, что, казалось, до них можно было достать рукой. Воодушевленный красотой ночи, он скакал за Грайдис, обещая себе больше никогда не попадать в плен.

Когда горы заслонили собой небосвод и отряд поехал вдоль подножия, Брудвар заметил впереди широкий ход, словно прорытый исполинским червем.

– Уф, – выдохнула разведчица, остановившись перед зи-

яющей дырой. – Добрались.

– Мы обязаны вам с Хунной жизнью. – Брудвар окинул разведчиц теплым взглядом.

– Нас еще рано благодарить. Нужно продолжить путь. – Она тронула поводья и направила кобылу в холодную тьму тоннеля.

– Раз мы уже под горой, то, прошу, не откладывай, расскажи, как вы нашли нас? – попросил Брудвар, поравнявшись с женщиной. – Выжил ли кто-нибудь еще из нашей стаи?

– Выжили, – не очень радостно сообщила Грайдис. – Когда я увидела, что сотворил Айтул, то побежала на выручку нашим. Извини, не думаю, что от меня была бы хоть какая-то польза в вашей с ним битве, – поспешила добавить она.

– Это точно, – подтвердил Вьёрд. – Кто бы нас тогда вытащил из этого дерьма...

– Повезло немногим. Очень немногим... Кому-то я помогала выбраться из воды, кто-то успел отбежать, когда понял, что дело дрянь. Животные были в панике, но я смогла обуздать несколько коней и посадить на них уцелевших...

– Сколько? – жестко спросил Брудвар.

– Спаслось не больше трех десятков. Их могло быть и больше, но аркалы не оставили нам никаких шансов, пришлось убежать...

– Отступить, – поправил Брудвар. Теперь он снова ненавидел фэрла так же яростно, как в тот роковой день.

– Все ли из них уцелели – я не знаю. Я отправила всех

наших, кроме Хунны, навстречу Фронсуду: его нужно было предупредить любой ценой.

– Так, значит, его армия цела?! Ледяной Кулак избежал ловушки?

– Конечно.

– Ну фэрл! Ай да старый лис, – пробурчал сын Эрнульфа, ликуя.

– Я, правда, не знаю, где сейчас находится его войско, так как решила проследить за фэрлом и узнать, куда вас увезут. Но Айтул остался в ущелье. Сидел в своем шатре, напевал что-то жуткое, жег свой костер и разговаривал с кем-то, хотя, клянусь Предками, был один! Он будто бы знал о том, что сюда идет Фронсуд с Избранной Тысячей, и планировал их также прищучить. Мы хотели прошмыгнуть мимо, но когда подходили ближе, то нас одолевал такой страх, что... – Грайдис запнулась и буркнула: – Мы не смогли.

– Понимаю, не вини себя.

– Пришлось дожидаться, когда фэрл уйдет, и пойти следом. Сперва все шло хорошо. Мы держались на безопасном расстоянии, он никак не мог бы заметить нас. Мы отслеживали каждый его шаг, но потом он будто испарился. А мы... – Грайдис стыдливо опустила глаза. – Потерялись. А позже встретили союзников, которые и помогли найти вас.

– И кто же эти союзники? – нахмурился Брудвар. – Им точно можно доверять?

– Думаю, да. У нас все равно не было другого выбора. Я

рискнула и не прогадала.

– Не рискуя, не добудешь, – изрек Вьёрд.

– Брудвар, прошу тебя, только не делай поспешных выводов, знаю, тебе будет непросто принять то, что они скажут, но выслушай их.

– Да кто же они такие? – не выдержал кузнец.

– Потерпи, скоро узнаешь, – сказал Брудвар, разглядев впереди силуэты, держащие факелы. – Грайдис, ты, должно быть, шутишь, – прошептал он через минуту, глядя на бледное лицо воина с татуировками вокруг глаз.

Глава 7

Союзники

Подземный ход вывел их в просторную пещеру. Ее свод был украшен причудливым лесом сталактитов, напоминавших огромные каменные сосульки. Представив, как легко их смог бы обрушить Айтул, Брудвару стало неуютно. Впрочем, не только из-за этого. Мрачные лица, смотревшие в его направлении, вынуждали сына Эрнульфа по старой привычке обдумывать, кого бы он пронзил первым. Ведь, как учил его Фронсуд, первый удар – это уже половина успеха. Если нанесен в подходящее время, в нужное место и с должной силой.

Но когда огонь осветил фигуру Брудвара, напряжение разом спало, и люди облегченно выдохнули.

– У тебя получилось! – воскликнул старик с шишковатым носом. – Не стойте дубами, помогите ему, – скомандовал он, заметив раненого Вьёрда.

По требовательному взгляду пожилого аркала, который исключал любое слушание, Брудвар сразу понял, с кем здесь нужно разговаривать и у кого искать ответы. Сын Эрнульфа повидал на своем веку многих людей, претендующих на роль лидеров, и научился безошибочно определять, кто из них может вести за собой, а кто лишь красуется, как петух перед стайкой кур. Несомненно, этого старика уважали и слушались. Насколько знал Брудвар, аркалы почитали своих

шаманов едва ли меньше, чем фэрлов. А перед сыном Эрнульфа стоял, опираясь на трость, настоящий шаман – весь его вид говорил об этом.

Светлую длиннополую шубу украшали кожаные полосы, представляющие собой рисунки птиц. На груди – вышитое изображение парящего орла. Подол одеяния и манжеты окаймляла красно-синяя бахрома. Дополнял же образ черный ворон, восседающий у него на плече с такой важностью, будто все аркалы подчинялись лично ему. Впрочем, после всего пережитого за последние дни Брудвар не удивился бы, если б так оно и оказалось.

– Пусть долгоденствие будет твой полет! – Шаман приложил руку к сердцу. Он слегка кивнул и на секунду прикрыл глаза, давая понять, что признает власть наследника трона Скаймонда. – Мы рады видеть тебя в добром здравии.

Брудвар слез с кобылы и, пощупав свои ребра, сказал:

– Это странно слышать при данных обстоятельствах. Ты – первый аркал, который не стремится плюнуть в меня или полоснуть ножом.

– И поверь, сын Эрнульфа, далеко не единственный, – несколько не смутившись, ответил тот. – Мое имя Койун, в наших землях я известен как Шепот Ветра, – произнес он с некой гордостью. Она же, или крепкое здоровье, не позволила годам согнуть его спину, будто вместо хребта у него был вставлен железный штырь. – Прошу тебя, садись к огню, поешь и обогрейся. О твоём друге позаботятся, у нас есть уме-

лые лекари.

– И я бы тоже че-нить пожевал, а то сейчас того и гляди кишки переварю, – пробурчал Вьёрд. – Сытому голодного не понять...

– Конечно, – распорядился Шепот Ветра.

Пряная конина, которой их угостили, показалась Брудвару и Вьёрду наивкуснейшей пищей из всех, что они когда-либо пробовали. Греясь у костра и набивая животы мясом, они ощущали себя счастливейшими из людей.

– Что ж, Койун, ты меняешь мое представление об аркалах. – Брудвар поднял в его честь деревянную чашу с кислотным напитком. – Надеюсь, что еще смогу воспользоваться твоим гостеприимством, но в куда более подходящем месте. Засиживаться здесь – только смерть дразнить. Давай перейдем к делу.

– Хотел бы я увидеть рожу Айтула, когда он узнает о нашем побеге, – тихо усмехнулся Вьёрд. Смахнув капли с неопрятной бороды, он с наслаждением вытянул ноги и дал осмотреть себя лекарю.

– Ты верно говоришь, времени у нас в обрез, а потому я буду краток, – сказал Шепот Ветра.

Брудвар чуть не поперхнулся, поскольку шаман повернулся к ворону и что-то ему нашептал. Каркнув, птица взмахнула крыльями и улетела в сторону поселения. Аркалы, в отличие от Вьёрда и Грайдис, не обратили внимания на произошедшее, из чего Брудвар заключил, что это было вполне

обычным делом.

– Не все аркалы жаждут перемен, как того хочется Айтулу. По крайней мере, не такой ценой.

– Мне пока в это слабо верится. Фэрл был весьма убедителен, а в долине я видел огромное количество людей. Кроме того, Айтул сказал, что скоро сюда придут хэрдинги и шаманы со всего свальда. И что-то мне подсказывает, что вряд ли они станут уговаривать фэрла принести извинения трону Скаймонда.

– Понимаю твои сомнения, – качнул головой шаман. – Но все не так просто. С одной стороны, наше племя устало терпеть унижения твоего отца. С другой – путь, который избрал Айтул, может уничтожить наше племя, а источник его сил противен не только нам, но и всему Северу, – нахмурил седые брови Шепот Ветра. – Я понял это, когда Айтул созвал Совет Старейшин и показал свой камень. В тот момент я слышал голоса Предков так ясно и громко, как никогда раньше. Они возмущались и предупреждали о зле, что принес с собой Айтул. Конечно, были и другие знаки. Об одном из них я расскажу тебе позже. – Шаман смочил пересохшее горло водой и продолжил:

– Когда фэрл озвучил свои планы, мнения Совета разделились: одни выразили Айтулу полную поддержку, увидев в нем спасителя от всех бед, а другие попытались образумить, ведь фэрл предлагал отринуть вековые традиции и преступить нерушимые заветы Предков. Он поклонился чужим бо-

гам, пищей для которых были человеческие муки и жизни. К тому времени обретенное могущество уже ослепило Айтула: он давно принял решение и пришел лишь затем, чтобы объявить о своей воле и о великом плане – предназначении, о котором шептал ему бог из камня. Да... Айтул говорил о нем с такой страстью, глаза его горели такой чистой верой, что я и сам едва не пошел за фэрлом...

– Что еще за план? Айтул вполне ясно дал мне понять, чего хочет: вернуть аркалам свободу, независимость от трона Скаймонда. О чем же он умолчал?

– О многом, – угрюмо ответил старик. – Намерения фэрла искренни, и он не отступит от своих замыслов. Но его главная цель... Цель, которой Айтул одержим, заключается совсем в другом.

Люди в пещере притихли. Лишь слабый треск костра нарушал тишину подземных сводов. Вьёрд перестал громко чавкать кониной, а Брудвар невольно поддался вперед, желая скорее услышать зловещую правду.

– Айтул хочет разбить оковы темных богов и освободить их, получив в награду небывалое могущество для себя и всех аркалов. Один из них, дух или бог, называющий себя Сакготом, которого фэрл и нашел на дне пещеры, с самого первого дня просит его немедленно отплыть к берегам Империи и покончить с их пленом.

– И как же Айтул хочет выполнить эту просьбу?

– Ему нужно доставить камень в одно место, известное

лишь фэрлу, посланное ему в видениях. Он говорил о древнем храме, погребенном под землей, суждено которому возродиться вместе с истинными богами.

– И почему же он все еще на Севере? Боюсь даже представить, какими силами мог бы обладать Айтул, окажись все правдой. – Брудвар всерьез начал задумываться о том, что рассудок фэрла не выдержал испытания могуществом. В одиночку отправиться в Империю, повинуясь лишь видению и голосу в своей голове, – это походило на самоубийство. С другой стороны, Брудвара одолевали сомнения – он уже дорого заплатил за свое прошлое неверие. Что, если и в этот раз фэрл не врет и ему удастся воплотить задуманное? Сможет ли кто-нибудь тогда остановить Айтула? Вряд ли.

– Долг, честь и сострадание, – с грустью ответил шаман. – Пусть он и не смог защитить аркалов, но Айтул был достойным фэрлом, которого уважал и любил наш народ. Таким он и остался для многих людей из моего племени. Очень жаль, что он выбрал не тот путь... Айтул сказал Совету, что выполнит свое предназначение лишь после того, как отомстит за аркалов и вернет им свободу. Он пошел наперекор воле бога, но тот не лишил его силы. И фэрл укрепился в своей вере и в том, что он должен использовать шанс, дарованный ему, – шаман печально вздохнул.

Теперь Брудвару стало ясно, почему Айтулу был выгоден раздор, что мог охватить Север. В хаосе междоусобиц новому вождю стало бы не до аркалов, и фэрл мог бы спокойно

отплыть в Империю.

– Как я уже говорил, мнения Совета разделились. К сожалению, застарелая ненависть и жажда власти оказались сильнее традиций и здравого смысла: таких, как я, было меньшинство. Айтул посоветовал нам уйти с его дороги и не мешать. В тот же день он убил твоего отца и брата, лишив нас возможности предупредить Скаймонд и спасти вождя.

– А что же ваш народ? Как обычные люди восприняли эти... перемены?

– В Кагыме, южных и восточных землях, куда так любил наведываться Эрнульф, об Айтуле уже слагают песни и сочиняют легенды. Но на севере и западе свальда аркалы относятся к его словам намного прохладнее. Их пугает то, с какой легкостью Айтул рушит вековые устои и воздвигает на их месте чужие ритуалы. То, как просто он отказался от веры, которую каждый северянин впитал с молоком матери. От веры в наших предков, чья мудрость и покровительство помогли нам пережить самые темные времена. Нет, Брудвар, – глаза шамана вспыхнули гневом, – такой фэрл не нужен аркалам. Он лишь опозорит наше племя, а его деяния обрежут крылья будущим птенцам.

– И здесь наши мнения схожи. Но как же ты собираешься убедить в этом половину свальда? Есть ли шанс решить проблему без кровопролития?

Койун посмотрел на Брудвара с уважением и некой опаской. Он не ожидал, что после всего случившегося сына Эр-

нульфа станут заботить жизни аркалов. Поэтому он не смог сдержать любопытства и осторожно спросил:

– Неужто ты не хочешь отомстить?

– О, еще как хочу. Гибель моих людей и оскорбления, нанесенные мне лично, не останутся без последствий. Хотя я уже давал возможность аркалам сделать выбор, отправив гонцов...

– Многие промолчали, убоявшись фэрла. Многих – тех, кто сохранил верность трону Скаймонда, убили, – процедил Койун. – И гнезда их разорили.

– Но я понимаю, почему это произошло и кто виноват во всем этом безумии, поэтому не стану трогать остальных. Пока не стану, – уточнил воин. – Новый фэрл должен будет доказать свою преданность единому Эргунсвальду и исправить все ошибки Айтула. – Брудвар испытывающе посмотрел на шамана, намекая, что был бы не против, если бы тот возглавил свальд. Койун верно прочел взгляд будущего вождя. Брудвар продолжил:

– Айтул преподал мне хороший урок: жестокость всегда порождает новую жестокость. К тому же я и без того считал, что негоже северянам резать друг другу глотки.

– Мудры слова твои, – уважительно кивнул Шепот Ветра.

– Слова не спасут нас от смерти, если Айтул добьется своего. Ты так и не ответил на вопрос: как же ты заставишь аркалов отвернуться от фэрла?

– Я убью его. За этим и пришел, – бесстрастно молвил

Койун. Ледяной блеск в глазах старика подавил усмешку сына Эрнульфа, заметившего, что в пещере стало тесновато от все прибывающих воинов. – А после они одумаются, услышав правду от шаманов и увидев, что ты совсем не такой, как твой отец. Ведь прощение – не признак слабости. Твое великодушие сможет убедить людей куда лучше, чем сталь мечей, крики вдов и плач сирот.

– Складно говоришь. Но если это не поможет, то жертв не избежать. Ты готов поднять руку на свой народ?

– Готов, – отрезал Койун. – Коль это сохранит жизнь остальным и позволит искупить ошибки Айтула. Если это поможет доказать мою преданность вождю Севера.

– Позволит, – ответил Брудвар. Глаза шамана, в которых застыла несгибаемая решимость, сказали ему больше, чем слова. – Ты сказал, что прикончишь фэрла. Но каким образом? Думаешь застать его врасплох? Местность слишком открытая, твоих воинов заметят еще на подступах к поселению. Вы идете в ловушку, из которой нет выхода. Я бы предложил отступить и объединиться с армией, которая идет за мной.

«Должна быть где-то неподалеку, если Фронсуд задумал обойти ущелье Четырех Ветров, а не вернуться за подкреплением», – понадеялся Брудвар, прекрасно зная, что против Айтула может не хватить и всей мощи Избранной Тысячи.

– Нет. Мы положим этому конец сегодня же, – мягко, но непоколебимо сказал Койун. – Сейчас он уязвим, поскольку

его союзников нет рядом. Верные фэрлу армии либо только направляются сюда, либо ждут его указаний.

Брудвар, допустив лишь мысль о том, что ему вновь придется сидеть в окопах, ожидая смерти, услышал, как его живот протестующе заурчал, а в ногах появилась небывалая легкость. В то же время перед глазами возник чарующий образ Нарьяны, и он тут же устыдился мимолетного страха. Чтобы вновь ощутить ее прикосновения, от которых покорно замирало сердце, воин позволил бы заковать себя в любые цепи. Намерения шамана уже не казались ему такими уж сумасбродными. Однако здравый смысл быстро отрезвил сына Эрнульфа и помог развеять мираж сладких фантазий.

– И что ты можешь противопоставить фэрлу? Он обрушил на мою дружину горы и душил Грайдис, даже не прикасаясь к ней, – вспомнил происходящее в шатре.

«А меня заставил валяться на полу, скорчившись от боли, и давиться кровавыми соплями», – вспомнил Брудвар, содрогнувшись.

– Кроме того, в поселении есть и простые воины, и их довольно много. Едва ли ты привел больше. Если б я и Вьёрд пошли с вами, то это, конечно, уравнило бы шансы. – Брудвар скривил губы в злой усмешке и переглянулся с другом, поймав его колючий взгляд. – Но боюсь, что мы сейчас не в лучшей форме и второго плена не переживем.

Шаман улыбнулся так, словно выиграл в кости, после очереди неудач выбросив самую редкую комбинацию и обыграв

противника одним махом.

– Не думай, что я так спешу повидаться с Предками. Я хоть и стар, но еще не выжил из ума. Хочу кружить под небом Эргунсвальда, покуда бьется мое сердце. Нет, я пришел не с пустыми руками, – старик понизил голос. – У меня есть оружие, которое может сокрушить Айтула. – Не обращая внимания на недоверчивый взор Брудвара, Койун перемолвился со своими воинами.

Перед Брудваром положили длинный сверток. Шаман с почтением развернул его. На черно-рыжем меху лежали ножны из потемневшего от времени дерева. На их поверхности виднелись истертые годами руны, значение которых сын Эрнульфа разгадать не мог. Однако часть символов он уже видел раньше: они были вырезаны на троне Скаймонда его создателями. Сердце воина забилось чаще, ведь этой вещи было никак не меньше двух тысяч лет.

– Эти ножны пропитаны седой древностью и пылью веков, – с благоговением выдохнул Брудвар. – Они из эпохи Противостояния, не так ли?

– Верно, – удивился шаман. – Как ты понял?

– А, – нетерпеливо махнул тот. – Я давно собираю редкие предметы, с годами научился кое-что понимать в этом. По крайней мере, могу отличить дешевую подделку от вещи, за которую не стоит жалеть и целого состояния. – Брудвар не мог оторвать глаз от широкого и выпуклого основания ножен, в которые был вложен меч. – Ты позволишь? – сын Эр-

нульфа спросил разрешения, словно мальчишка, желавший поскорее объездить нового жеребца.

Шаман утвердительно кивнул. Сын Эрнульфа взялся за рукоять и ощутил приятную, гладкую змеиную кожу. Широкою крестовину меча, которую венчали с двух сторон когти птиц, перехватывали стилизованные бараньи рога, покрытые серебристым металлом. Меч легко поддался и покинул ножны. Брудвар обомлел. Вьёрд, несмотря на боль, закричал и привстал, а Грайдис, доселе молчавшая, ахнула.

К основанию клинка крепилась накладка – голова ястреба, выполненная из темного камня. Глаза птицы пугающе мерцали огнем. Дол клинка поражал еще больше. Сердцевина меча была черной, как самая глубокая бездна, и внутри этой бездны, почти до самого острия, переливался и струился теплый лимонно-желтый свет. Само лезвие было столь совершенно чистым и ровным, что Брудвар, словно в зеркале, видел свое отражение. Он аккуратно провел пальцем по грани меча, вдоль которых шла искусная гравировка из рун, и почувствовал, как безупречно острый металл тут же разрезал кожу.

Брудвар поднял оружие, ухватив двумя руками. Невзирая на внушительный размер – с рукоятью он доставал рослому воину до плеч, – меч был таким легким, будто сделан из дерева. Сын Эрнульфа тут же захотел проверить баланс. Впросительном повороте взгляда посмотрел на шамана – тот снова молча кивнул. Брудвар мастерски закрутил «мельницу» и совершил

несколько взмахов. Как он и полагал, балансировка оружия была идеальной.

Чем дольше он держал меч, тем меньше хотел отпустить. Брудвар словно породнился с оружием, стал с ним одним целым. Странное чувство охватило все тело: мышцы налились молодой силой, а боль от полученных ран таяла, как весенний снег. Нарастающей волной, от маленького гребня до могучего цунами, в сердце поднялась непоколебимая уверенность в том, что с этим мечом ему по силам одолеть даже Айтула.

Не дожидаясь, пока Брудвар вернет оружие, и видя, что делать этого сыну Эрнульфа абсолютно не хочется, Койун приоткрыл завесу тайны.

– В руках своих ты держишь Ярость Солнца – так мы зовем этот меч. Во времена, когда на месте Скаймонда высился густой лес, а северяне гибли от когтей, зубов и темных сил тварей, отравлявших Эргунсвальд, жил вождь Рикьям Всевидящий Глаз. – Шаман посмотрел на Брудвара, ожидая увидеть понимание. Но воин лишь рассеянно сжал губы: имя легендарного вождя аркалов ничего ему не говорило. Он уже и позабыть-то успел, что до того, как его Предки замыслили объединить Север, каждое племя возглавлял свой вождь. Позже, в дань старым традициям, вождями стали называть только правителей Скаймонда, а прежних главарей племен – фэрлами. Койун продолжил:

– Легенды гласят, что предки аркалов издавна воевали с

гаржантами – полулюдьми-полузверьями, населявшими горы. Главной угрозой были их колдуны, чьи мерзкие ритуалы навели ужас на все племя, а проклятья – опустошали деревни. Но Рикьям вознамерился покончить с ними раз и навсегда. На плато Первого Огня он обратился к Предкам, прося их помощи. Он взывал к ним денно и нощно. И его зов не остался без ответа, Великий Орел прилетел к Рикьяму и унес его в Небесную Кузницу. Там Рикьям познал мудрость Родового Кольца и услышал голоса Эргунов. Они направили его, и вождь выковал этот меч, вложив в него мощь солнца и всю ярость наших Предков. С этим оружием вождь стал неуязвим для сил колдунов. Рикьям повел аркалов за собой и выиграл ту войну. Но согласно преданиям, со смертью последнего гаржанта меч потерял свое могущество, тем самым исполнив свое предназначение. С тех пор оружие хранилось Советом Старейшин как величайшая реликвия нашего народа... – Шаман ненадолго замолчал.

– Но с недавних пор, когда Айтул обрел силу, меч снова ожил, и в нем проснулось солнце. И чем ближе мы подходим к Айтулу, тем ярче становится его сияние. Фэрл знает об этом мече, ищет его и, думаю, хочет уничтожить. Мне пришлось выкрасть реликвию. Ибо тот, кто владеет Яростью Солнца, не подвластен губительным силам, бросающим вызов мощи и власти Предков.

Выслушав рассказ, Брудвар задал лишь один вопрос:

– Шепот Ветра, в знак нашей будущей дружбы и взаимно-

го уважения, доверишь ли ты мне реликвию твоего племени?

Койун задумчиво промолчал, словно размышляя над просьбой Брудвара. Словно. Внутри он ликовал и благодарил Предков за эту встречу. Если все сложится как нельзя лучше, то его стараниями аркалы будут спасены. А между спасителем и будущим вождем Скаймонда установятся крепкие отношения, которые позволят шаману стать фэрлом родного свальда. Раньше Койун даже и не представлял себя в этой роли: мудрый шаман никогда не гнался за властью. Но это было до того, как он почуял ветер перемен. Наконец, шаман ответил утвердительно.

Брудвар благодарно кивнул и убрал оружие в ножны. С того момента, как он тронул рукоять меча, воин уже знал, что вернется и попытается завершить начатое. Да, он безумно хотел уйти как можно дальше от этого места, передохнуть, залечить раны, узнать, в конце концов, где прячутся остатки его дружины и где носит Фронсуда с его армией. Но Брудвар с детства был настоящим вожаком, ему предстояло стать вождем всего Эргунсвальда. Он понимал, что настоящий лидер, хочется ему или нет, должен брать на себя ответственность, не перекладывая ее на других, и делать то, что должно, подавая пример своим людям. В то злополучное ущелье он пришел на поводу у честолюбия и гордости, сейчас же им двигали совсем иные чувства. Кроме того, он был достаточно смел, чтобы не врать себе: обратно его манили и карие глаза рыжеволосой безмолвной девушки ослепительной кра-

соты, чей запах продолжал сводить его с ума.

– Тогда нам пора обсудить план и выдвигаться, – сказал Брудвар. Даже Койун вздрогнул от того, насколько холодная готовность прозвучала в голосе воина.

Итогом короткого, но бурного обсуждения стал рискованный, но простой план. Иного в данных обстоятельствах быть и не могло. Опальный шаман делает вид, будто явился на поклон к фэрлу – признать его власть. Задача Брудвара – подобраться к Айтулу как можно ближе и навязать ближний бой, не давая ему шанса применить свои силы.

Вьёрд предлагал поступить иначе и разыграть карту с мнимой смертью Брудвара. Предполагалось, что Койун сообщит бы фэрлу о том, что лично убил беглеца, тем самым войдя к нему в доверие. Однако были опасения, что в этом случае Айтул непременно захотел бы увидеть труп. И возникала проблема с тем, как в этом случае можно было бы вооружить Брудвара. Ведь было бы очень странно, если бы вместе с телом лежал и древний меч, с помощью которого воин и намеревался сразить фэрла. Иные варианты требовали более длительных приготовлений, а время таяло с каждой минутой: фэрл уже мог обнаружить побег и выслать погоню, которая застала бы их врасплох. Поэтому после недолгих споров решили утвердить план с маскировкой Брудвара.

За несколько минут сына Эрнульфа превратили в настоящего аркала. Выдали копье, нахлобучили шапку, похожую на остроконечный шлем, и специальной краской нарисовали

фальшивые татуировки вокруг глаз.

– Не высовываться раньше времени, – напутствовал Койун. – Спину согни, а то больно высок. Не оглядывайся и по сторонам не смотри – мало ли кто узнает. Рисковать понапрасну нам ни к чему.

Брудвар строго-настрого запретил Вьёрду идти вместе с ним. Впрочем, изможденный кузнец не особо-то и спорил, понимая, что от него будет мало толку. Гораздо сильнее возмущалась Грайдис, желавшая разделить с Брудваром опасный путь. Но и тут сын Эрнульфа был неумолим. В случае неудачи разведчицы остались бы единственными, кто смог бы привести сюда войска Скаймонда.

– Кстати, а как поселение называется-то? – спросила шамана Грайдис, перед тем как попрощаться.

– Новый Кагым. Здесь укрылись те, кто устал от гонений Эрнульфа. Айтул задумывает построить здесь новую столицу и грандиозное святилище. Но многие аркалы уже и без того считают место священным. Поговаривают, что где-то здесь фэрл и обрел силу.

– А эти проходы в пещерах, – Брудвар указал на характерные борозды вдоль стен, – неужели их вырыл человек?

– Почти, – уклонился тот. – Думаю, что какую-то часть и впрямь создало мое племя.

– Сколько же времени и сил понадобилось, чтобы совершить такое! – изумился воин.

– Туннели в здешних горах известны аркалам еще с дав-

них времен. Их здесь – что пчелиных сот в улье. Скорее всего, это наследие гаржантов.

Прощание соратников было столь же коротким, сколь и скупым на слова. Однако крепость дружеских объятий была красноречивее всяких слов. Вьёрд, Грайдис и Хунна вместе с тремя проводниками двинулись прочь от Нового Кагыма. Сын Эрнульфа, Койун и его воины отправились на последнюю встречу с фэрлом.

Глава 8

Ярость

Над горами забрезжил, играя цветами осенних листьев, алый рассвет. Разгоняя сумрак, он заливал долину мягким светом. Лютый ветер утих, а мороз растворился в уходящей ночи. Никто, за исключением ранних петухов, чьи громкие крики были хорошо слышны каждому, не смел нарушить первозданной, умиротворяющей тишины.

Они шли быстро, молча, плотным строем по семь человек в ряд. Возглавлял отряд восседающий на коне шаман, смотревший вдаль с выражением мрачной сосредоточенности. Спокоен и невозмутим был каждый воин, что немного тяготило Брудвара. Он привык идти на битву с совсем другим настроением, ухмыляясь кровожадным шуткам Вьёрда, смеясь над колким сарказмом Одноглазого, громогласно вселяя в соратников чувство превосходства и непобедимости. Возможно, именно эта показная беззаботность и напускное пренебрежение к смерти, за которыми всегда таились глубокая оценка сил врага и четко выверенный план сражения, и были залогом блистательных побед сына Эрнульфа. Сейчас же все было иначе. И Брудвар знал почему. Их план не предусматривал возможности отступления. И если Брудвар не справится либо что-то пойдет не так, то исход будет лишь один. Впрочем, он не собирался умирать или идти на попятную.

Не родился еще тот человек, на милость которого сын Эрнульфа позволил бы себе сдаться или перед кем бы задрожал от страха. К тому же Ярость Солнца уже пылала в ножнах, и этот скрытый от чужих глаз огонь воодушевлял Брудвара, готовя его к новому вызову.

Бесшумно подлетел ворон. Сделав круг, он опустился на плечо шамана и принялся клевать его в руку.

– Твой побег обнаружили, – перевел послание Койун. – Айтул собирается в погоню. И он очень зол.

Вскоре его слова подтвердились. Приближаясь к поселению, Брудвар убедился, что Новый Кагым проснулся и, словно разворошенный гигантский муравейник, зашевелился. Из домов выбегали люди, спешно седлали лошадей, что-то кричали.

Воины ускорили темп и быстро миновали окраину. Местные, завидев незваных гостей, растерялись. Выстроившись в живой коридор, они провожали воинов Койуна любопытными взглядами. Всем не терпелось узнать: откуда пришли соплеменники и почему на их напряженных лицах нет ни тени улыбок?

Четверо всадников выскочили наперерез, преградив путь.

– Вы кто такие и откуда будете? – требовательно спросил старший из них.

– Я Койун Шепот Ветра, шаман Совета Старейшин, – с достоинством ответил старик. – Пришел поклониться фэрлу Айтулу и заверить в своей преданности. До меня дошел слух,

что он созывает знамена, — жестом указал на своих воинов.

Конники были явно взволнованы, и речь Койуна не смогла снять подозрений.

— Следуй за нами. Фэрл решит, что с вами делать, — дружелюбия в голосе мужчины было ровно столько, сколько воды в решете.

Их привели на ту самую площадь, где росло кряжистое дерево и висела пустая клетка. Народ обступил ее, с жаром обсуждая побег пленников. Мимо проскакал отряд, очевидно, в погоню за беглецами. Брудвар с горечью отметил, что вмешательство стольких людей, пусть даже и безоружных, может серьезно уменьшить их шансы на успех. В том, что эти люди встанут на защиту фэрла, он не сомневался.

Увидев шамана, толпа притихла и, как водная гладь, разрезаемая носом корабля, разошлась по сторонам. Фэрл Айтул, сложив руки на груди, ждал их. Его седые волосы гневно трепали порывы ветра, злость исказила черты лица. Судя по всему, побег сына Эрнульфа выбил фэрла из колеи, серьезно повлияв на планы.

Брудвар, ссутулившись и прячась за головами союзников, начал продвигаться вперед, ощутив на плечах подбадривающие хлопки. Он занял место во втором ряду, откуда было удобно наблюдать за развитием событий.

Как только ноги шамана коснулись снега, он отвесил низкий поклон и, как того требовал обычай, приложил правую ладонь к сердцу.

– Шепот Ветра, – процедил Айтул, – скажи, какая сила заставила тебя явиться и склонить передо мной голову?

– По всему свальду гремит клич моего фэрла. Я слышал, что ты нуждаешься в помощи, и готов предоставить ее.

– Неужели? Помнится, в нашу последнюю встречу ты ясно дал мне понять, что лучше станешь подстилкой вождей Скаймонда, чем поддержишь возмездие своего племени. И вот ты здесь, стоишь со своими воинами и кланяешься мне, но в твоих глазах я не вижу ни раскаяния, ни должного уважения. Скажи, почему?

– Мой фэрл, ты заблуждаешься. – Ни один мускул не дрогнул на лице старика. – Да, между нами были разногласия, я не поддержал тебя сразу, как следовало бы. Но не вини меня. Когда страх сковывает сердце, а дряхлые привычки смущают рассудок, то бывает, что и мудрейшие из людей принимают неверные решения. Теперь же, когда ты, как говорят, пленил самого наследника трона Скаймонда, я осознал, что с таким могущественным фэрлом нашему племени нечего бояться. Про грядущий поход аркалов сложат песни, а когда буря утихнет и на Севере установится новый порядок, имя твое будут славить в веках, слагая о тебе легенды. Но я бы хотел, чтобы в них упомянули и мое имя. Я хочу быть рядом с тобой, сокрушать врагов и вкушать радость победы, которой будут гордиться все грядущие поколения аркалов.

На какой-то миг искренность в голосе шамана заставила Брудвара усомниться в его честности: а не привел ли его

Койун в западню? Однако на самого фэрла речь шамана не произвела никакого впечатления.

Айтул захлопал в ладоши. Медленно, жутко.

– Польщен твоими словами, Койун. Поддержка столь известного и уважаемого человека дорого стоит. Но сдаётся мне, что ты пришел не за этим. Ответ на два вопроса, и я скажу, насколько чисты твои намерения.

В толпе зевак началось движение. В первые ряды протиснулись рослые мужчины в доспехах, беря дружину Койуна в кольцо. Напряжение стало таким плотным, что воздух на площади можно было резать ножом.

– Итак, первый вопрос. Сегодня ночью двум пленникам помогли сбежать. Тот, кто сделал это, убил ко всему прочему наших людей. Не встречал ли ты на своем пути двух мужчин? Они не могли уйти далеко.

– Нет, мой фэрл, мы никого не видели.

– А вот мне кажется, что ты чего-то недоговариваешь. Ведь было бы очень странно, – Айтул сверкнул глазами, повысив голос, – просто невозможно, если бы им удалось проскочить мимо всех твоих воинов. Или, быть может, ты воспарил, как птица, и перелетел горы вместе со всей дружиной? Боюсь, ты забыл, что даже сокол не летает выше солнца.

Шаман покачал головой, всем своим видом показывая, что ему больно слышать подобные обвинения.

– Второй вопрос, – жестко продолжил фэрл, сведя брови вместе. Ответ Койуна его не убедил. Теперь фэрл напоминал

грозовую тучу, готовую в любой миг разразиться громом. – Ты украл у своего племени кое-что. Меч, выкованный самим вождем Рикьямом. Скажи, где он?

Шаман попытался сохранить спокойствие, не ожидая такого вопроса, до последнего надеясь, что разговор перейдет в мирное русло. Побледнев, он сказал:

– Я оставил его...

– Наглая ложь! – проревел Айтул. Безотчетный страх охватил каждого, кто был свидетелем его ярости. Женщины поспешили отвести детей в дом, лбы мужчин покрылись испариной, а те, кто имел мечи и топоры, крепче сжали рукояти. – Я чувствую, что Ярость Солнца где-то здесь!

Койун не ответил. Его лицо стремительно покраснело, глаза лихорадочно вращались, а руки потянулись к шее.

Не обращая внимания на муки шамана, Айтул скомандовал:

– Обыскать всех! А вы – бросайте оружие и отдайте мне меч. Ваш жалкий шаман ответит жизнью за эту глупую попытку обмануть меня, – немигающим, гипнотическим взглядом змеи фэрл посмотрел на обескураженных воинов Койуна, стремясь заглянуть в глаза каждого, кого мог увидеть. Он жаждал поскорее узнать, кто же прячет смертоносную реликвию.

Брудвар с вызовом поднял голову. Блуждающий взор Айтула нашел сына Эрнульфа. Лед и пламя вновь сошлись в своем извечном поединке. Но фэрл и представить себе не

мог, что его бывший пленник посмеет вернуться обратно, поэтому на какой-то миг он просто онемел от такой наглости. Этого мига хватило Брудвару, чтобы начать атаку.

– К бою! – взревел сын Эрнульфа, обнажая легендарный меч.

Его оглушительный клич встряхнул воинов, придав смелости и разбудив в них жажду крови. Зазвенела сталь, полетели щепки от щитов, Новый Кагым огласили первые крики умирающих и раненых.

Брудвар, как разъяренный бык, помчался навстречу фэрлу. Он ощутил, как невидимая сила толкнула его в грудь, но не смогла замедлить. На лице Айтула возникла гримаса неподдельного ужаса, когда он осознал свою беспомощность. В последний момент он успел нащупать рукоять меча и уклонился, парируя удар сына Эрнульфа. Брудвар ошибался, полагая, что одолеть фэрла будет легко. Ощувив дыхание смерти, Айтул рассвирепел и насытил свое тело нечеловеческой мощью, которую питал бурый камень на его груди. Брудвар обрушил целый град беспощадных ударов, но Айтул, отступая, парировал их все. Воины закружились в смертельном заволаживающем танце, прервать который не смог бы ни один смертный.

Тем временем к шаману, бывшему на волосок от гибели, вернулась способность дышать. Упав на колени, Койун принялся жадно глотать воздух. Один из воинов Айтула, оказавшись близко к старику, замахнулся топором, стремясь рас-

кроить ему голову. Враг закричал, когда что-то черное, спи-
кировав с неба, вцепилось в его лицо. Раздался нечелове-
ческий вой боли – ворон шамана вонзил свой клюв в глаз
нападавшего. Воин хотел сбить ворона рукой, но тот успел
взмыть в воздух. Аркал получил удар по голове от одного
из дружинников и упал в алый снег, закрыв голову руками.
Соратники тут же прикрыли Койуна. Словно огромный еж,
аркалы шамана выставили вперед копыя, слаженно защища-
ясь и разя противников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.